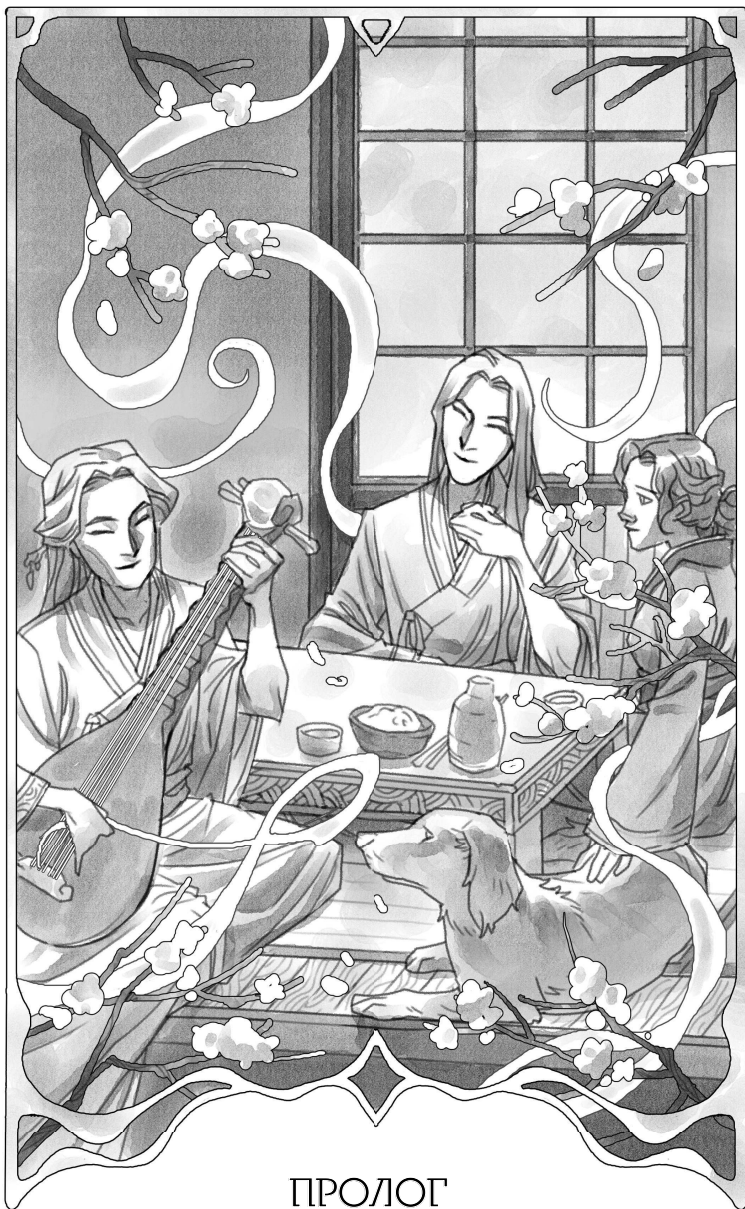

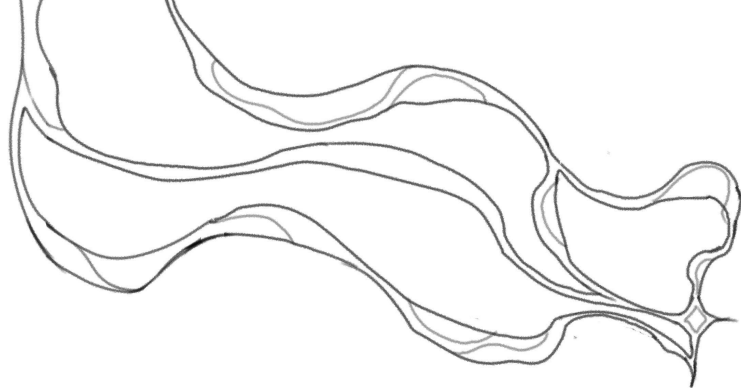
*Моей подруге Ленте, без которой этой книги
не было бы вообще — а ещё Жене, Мари и Хайм,
без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом,
чтоб отыскать утраченное
или отправиться за мечтой.*

Эта история — для вас.

ПРОЛОГ

Шимра — большая, шумная столица, неласковая к чужеземцам, жестокая к простакам, как гордая аристократка из древнего рода ишмы. И лишь у самых окраин она скорей похожа на мечтательницу, скромную и тихую, особенно весной, когда в каждом дворе гибкие ветви чийны покрываются нежно-лиловыми цветами, и плывёт в тёплом воздухе томный, приторный аромат... В это время своенравная и спесивая Шимра встречает с радостью любых гостей.

Даже таких, как я, Дёран, бродячий певец и сказитель.

И пусть глаза у меня уже прозрачные, как у слепца, но видят всё пока ещё ясно. Дом Алаойша я нахожу почти сразу — почти, потому что он отчего-то стал ярко-синим, а год назад был жёлтым, как листья молодой клиппы. Видно, Фог опять за эксперименты взялась... Была б у меня такая ученица, я б давно семиструнку об голову ей разбил! Или, что вероятней, себе — своя-то голова ближе.

Но то я. Алаойш — терпеливый змей.

Третья ступенька на крыльце всё так же поскрипывает. Люди привычные, вроде меня, приноровились её переступать, чтоб не тревожить зазря Ору, старую хозяйскую псину, уже глуховатую и совсем слабую, но по-прежнему считающую долгом своим встречать гостей хриплым лаем. Сорок четыре года — давно вышел отмеренный ей срок, и скоро даже искусство Алаойша не сможет продлевать собачью жизнь.

Киморты не всеильны... и не вечны, кто б что ни говорил. Дверь, по обыкновению, не заперта. Но только я её толкаю, как меня едва не оглушает грозный окрик:

— Фогарта! Да чтоб тебя!.. Фог, немедленно спускайся!

Отступаю, поправляя за спиной чехол с семистрункой — и улыбаюсь. Что ж, даже терпеливых змеев довести можно.

— Учитель, честное-честное слово, я больше не буду ходить одна в твою лабораторию!

— Фогарта, спускайся!

— Ну кто же знал, что тот хронометр нельзя трогать!

Из подвала валит дым.

Тихонько посмеиваясь, перекидываю семиструнку вперёд, распускаю чехол, трогаю струны... Алаойш вслушивается недоверчиво, а потом откидывает бисерную занавесь к дверному косяку и манит меня рукою, не отрывая взгляда от лесенки в покои Фог. Взгляд у него тревожный.

— Вовремя ты, — шепчет, чтоб ученица не услышала. — Смотри ведь, натворила чего-то, а теперь меня пускать не хочет. А мне тут думай — то ли она ошпарилась, то ли с испугу ревёт. Дёран, поговори с ней? Тебя она слушает.

— Отчего ж не поговорить, — киваю. Обхожу комнату и заглядываю в подвал. Дым щиплет глаза. — А что взорвалось-то, Алиш? — шепчу.

Алаойш отвечает не сразу и нехотя.

— Камень памяти делал. В прошлый раз мирцита мало взял, теперь — много.

— Камень памяти, значит.

Не нравится мне этот голос.

Подхожу к старинному другу и, встав на цыпочки, заглядываю ему в лицо. И ох как надеюсь ошибиться! Да только и в прошлый раз заметно было, что всё быстрее выцветает листовая зелень в его глазах. А нынче они бледны, что талая вода — только ободок по краю и чернеет.

— А скоро ли?..

Алаойш только плечами пожимает.

Значит, скоро.

Поднимаюсь по лестнице — и сажусь у двери Фог, положив семиструнку на колени. Тихо-тихо слышно, как всхлипывает девчонка у себя — верно, и впрямь сильно ошпарилась. Касаюсь струн — они отзываются песней: сперва как ручей в ночи, ненавязчиво, потом — громче и громче.

Фог перестает всхлипывать и ползком подбирается к двери.

— Дёран, ты? — шепчет в щёлку.

— А кто ж ещё. Пустишь?

— А-а...

Дверь становится тёплой, а потом вспыхивает — и рассыпается занавесью из бисерных низок. Отодвигаю шелестящий полог в сторону, но только успеваю перешагнуть порог, как бисер за моей спиной вновь спекается дверью. Фог сидит на полу и дует на обожжённые ладони; полы серой шёлковой хисты так разошлись, что видно даже нижние одежды — и босую ступню; рыжеватое родимое пятно в форме цветка чийны — знак тяги к путешествиям, диагональный шрам от мизинца до пятки — память о первом эксперименте у Алаойша в лаборатории.

Подсаживаюсь ближе.

— Чего плачешь и прячешься? — спрашиваю, и семиструнка вторит серебряным звоном.

Фог молча откидывает волосы с лица и поворачивается ко мне. Кожа закопчённая — полбеда; беда, что и брови, и ресницы так опалены, что их едва видно.

— Вот я страшилище, да? — всхлипывает Фог и утыкается в расшитые рукава.

— Ну-ну, погоди плакать, — отвожу я ткань с её лица. — Нос распухнет — точно красавицей не будешь. Дай-ка гляну, нет ли у тебя ожога.

— Нет, — буркает Фог и отворачивается.

Обхожу её и снова сажусь — лицом к лицу.

— Так ты из-за бровей, что ли, плачешь? Фьють, ерунда какая!

— Да что бы понимал, Дёран! — вспыхивает мгновенно, что цветы эрисеи. — А как я к нему выйду?

— Беда-беда, — развожу руками. — Ты бы воды сперва добыла и умылась от копоти. А там посмотрим, чем тебе помочь можно. Ну же, что ты как маленькая! Так себя только глупые любовницы у богатых вельмож и ведут.

— Я киморт! — мгновенно вскидывается Фогарта и утирает лицо рукавом. — И учёная! Сейчас будет тебе вода.

Фог поднимается, всплёскивает руками — кисти рук словно размазываются лиловатым туманом, но только на миг — и воздух начинает сиять. Скоро уже можно различить очертания большой прозрачной чаши; наполняется она медленно, но верно — капельки и струйки воды текут в неё отовсюду: с потолка, из-под пола, собираются в воздухе... Когда воды становится достаточно, Фогарта плюхает чашу на пол, садится сама, по-мужски складывая ноги, и принимается старательно умываться.

Достаю из сумы шкатулку с краской и разным мылом, а оттуда — синий брусок.

— На-ка, попробуй этим.

Фог бурчит что-то в благодарность и взбивает из мыла пену.

Воздух начинает пахнуть весной в горах.

Не меньше года минуло с тех пор, как я гостил у Алаойша в прошлый раз, а Фог так и не поменялась ни на гран. И без того круглые ногти она стрижёт совсем коротко, а после стыдливо прячет руки; волосы завивает и подкрашивает листьями клиппы, но потом безжалостно убирает под заколку; хиста нарочито строгая и тусклая, но из-под неё виднеется краешек бирюзового нижнего платья. Так упрямство и честолюбие велят Фог быть учёной-кимортом, строгой и сухой, а сердце тянется к красоте. По мне, так это дело хорошее: вон, я ношу по десять разноцветных нижних одеяний, одно другого затейливее, и разве ж кто слово дурное сказал? То-то же.

Но у неё пока честолюбие сильнее.

Семья Фог лишь два века назад получила от солнцеподобного Великого ишмы высочайшее право бывать при дворе

и владеть землями, и слишком мало времени прошло, чтобы благородная кровь вымыла из облика вчерашних простолюдинов черты, привнесённые браками с иноземцами. Поэтому глаза у Фог не благородного миндалевидного разреза, а кругловатые, как у северян, да ещё вдобавок и слишком светлые; у неё крупные кисти и широкие запястья, более подобающие землепашцам; кожа её жадно впитывает солнце и быстро смуглеет.

Фог себе не нравится.

Раньше Алаойш посмеивался и говорил, что достаточно и того, что у неё высокий лоб и красивая улыбка, — значит, и ума, и сердечной чуткости дано вдоволь. А теперь он не смеётся, но частенько смотрит на Фог, когда та не замечает, — и просит иногда распустить волосы.

Фог не понимает, смущается по привычке и пеняет на свою нескладность.

— И как я теперь?

Отвечаю со всей честностью.

— Красавица. А брови... Дай-ка мы их тебе подкрасим. Да и ресницы заодно. Если все с умом сделать, то Алиш и не заметит.

— Правда? — выдыхает она и на коленках подползает ближе. Прозрачная чаша с мыльной водой покачивается на ковре, словно кувшинка на пруду. — Подкрась, Дёран. Я не умею.

— Иди к нам, в бродячие сказители, и научу, — улыбаюсь лукаво.

Фог смеётся.

— Мне и тут хорошо. А Алиш... Алаойш сердится?

— Нет, — говорю, а сам разбираю баночки с краской. — Он за тебя испугался, глупую. Вдруг ты обварилась или руки сожгла? Вы, киморты, себя лечить не умеете, и, если сразу к врачевателям не пойти — худо может быть... А ну-ка закрой глаза. И посиди смирно.

Стрелка часов не успевает сделать и трёх оборотов, а Фог уже крутится перед зеркалом, алая, как невеста на выданье. Чаша с мыльной водой, забытая на ковре, медленно прора-

стает лиловыми цветами — видно, много морт вложено в её создание.

— Хорошо? — оборачивается Фог, сияя.

Киваю важно:

— Хорошо. А теперь пойдём-ка к Алишу. Пусть готовит стол для дорогого гостя — целый Дёран-Сказитель приехал, праздновать надо! Тут уж не до беды в лаборатории, верно?

Фог смеётся.

Киморты — не изнеженные вельможи: они не нуждаются в слугах или в страже. Зачем, если к твоим услугам дыхание этого мира, всемогущая морт? Вот и Алаойш, не отвлекаясь от повести о моих странствиях и партии в на-джи, успева-ет воссоздать по памяти низкий стол и мягкие подушки-сиденья, переместить из подвала жаровни, посуду и приборы. Передвигая монетки из обсидиана и коралла по круглой доске для игры, я краем глаза наблюдаю за тем, как из кладовой выплывают яства, окутанные лиловой дымкой морт. Фрукты в корзинах — крупные, шишковатые плоды чи с пряной мякотью, сочные кислые ригмы, нежнейшие розоватые ай-ки — некоторые с женский кулак величиной; россыпь синих «ягод жизни» на фарфоровом блюде украшена желтыми листьями клиппы; холодное мясо уже разрезано на тонкие листы, а «морские пальцы» очищены от раковин. Специи и густые соусы Фог выносит сама, на большом деревянном блюде с множеством углублений.

Тенью пробирается в комнаты старая Ора; долго нюхает воздух, потом ложится подле Алаойша — выпрашивать лакомые куски. Он улыбается и зажигает лампы — вскоре всё вокруг залито тёплым янтарным светом.

— Вот теперь и гостя не стыдно за стол пригласить, — удовлетворенно оглядывает стол Алаойш и усмехается: — Как, Дёран, окажешь честь — отведаешь нашей скромной пищи?

Шутит. Знает ведь, что с дороги я голоден, как лис.

И вот уже скоро медные блюда поставлены на жаровни, и вода с пряностями кипит. Тонкими щипцами я поддеваю

листы мяса и опускаю их в кипяток — поочередно во все три блюда — и лишь потом перекладываю к себе на тарелку. Следом наступает черед «морских пальцев», потом — овощей; мясо к тому времени успевает подостыть, и весьма кстати приходятся горячие соусы Фог.

Хорошая трапеза — не для торопливых.

Когда первый голод утолён, наступает время разговора.

— Как дела на севере? — первым начинает Алаойш, поглядывая искоса на ученицу. После острой пищи она разругмянилась, и глаза у неё заблестели. — Всё так же воюют?

Фог едва прислушивается к разговорам о политике — они ей скучны — и вместо этого чешет Ору за вислым ухом. Старая псина то ли спит, то ли просто ленится откликаться и лишь изредка повиливает стриженным хвостом.

— Воюют, — подтверждаю. — Сыновья тамошнего ишмы, что называется в северных землях лоргой, никак не поделят власть. Но я слышал, что один из них собирается просить милости у Солнцеподобного. Думаю, что скоро он и одержит победу, а караваны Ишмирата зачествят в Лоргинариум.

— А на юге ты не бывал?

— Не в этот раз. Но слышал от друга моего Сэрима, что южные земли по-прежнему в запустении. Не скоро ещё зарастут шрамы, что оставила пятидневная бойня, когда киморт шёл на киморта, забыв о воле морт...

Беседа течёт плавно и лениво, как равнинная река.

Постепенно мы переходим от политики к делам житейским. Алаойш рассказывает о последних своих исследованиях, не упоминая, впрочем, о камне памяти. Потом и Фогарта начинает хвастаться первой настоящей работой.

— ...ну Дёран, ни за что не поверю, что ты не слышал об эхе Мишгар!

Оглядываюсь на Алаойша — он незаметно прикладывает палец к губам и качает головой.

Молчи, Дёран.

— Нет, — лгу с улыбкой на устах. — Расскажи мне, красавица.

Фог хмурится и почесывает опаленную бровь. Краска немного смазывается.

— Ну, про мировое-то эхо ты наверняка слышал. Нет? — Фог потерянно вздыхает. — Тогда издалека начну. Знаешь те устройства для разговоров, что мастера делают и заставляют работать с помощью мирцита? «Дальние голоса»? Когда собирают такое устройство с железной раковинной, и она может как принимать звук, так и превращать его в невидимые и неслышимые волны, подобные в чём-то морт, и пересылать к другому устройству.

— Это знаю.

— Так вот, если «дальний голос» направить в небеса, а потом переключить устройство на приём, то вскоре волна вернётся назад. Это называют мировым эхом. И никто не может понять, от чего отражается звук. От облаков? Но ведь эхо возвращается даже в абсолютно ясную погоду... Может, есть невидимый купол над нами? Но ведь киморты поднимались в укрепленном дирижабле на высоту, что волна может достичь за это время... И купола там нет. Но есть нечто, отражающее звук... Понимаешь?

Оглядываюсь на Алайша.

Он смотрит в сторону, и лицо у него бледнее белого.

— Понимаю.

— Так вот, теперь об эхе Миштар, — продолжает Фогарта, в волнении терзая рукава своей хисты. — Вообще многие сейчас уже думают, что «Миштар» — просто такое устоявшееся название, вроде как гора Анцу, дерево ригма или озеро Арирамар. Но на самом деле явление это названо при имени некоего учёного-киморта по имени Миштар. Неизвестно даже, мужчина это был — или женщина, дитя юга — или севера, потому что жил... или жила Миштар много-много лет назад. История не сохранила причину, по которой этот киморт решил пойти против воли морт. Может, то была любовь; может, любопытство. Но Миштар отважился переломить судьбу и начал исследовать природу спутников и превращения киморта в эстру. Он первый доказал, что спутник — лишь

подобие личности, и при этом — божество, — хрипло произносит Фог и осекается. Взгляд её сам по себе притягивается к Алаойшу. — Божество, сотканное из памяти и силы трёхсотлетнего киморта. Именно поэтому киморт лишается своей личности и вынужден создавать другую — ведь то, что её составляло, уходит к его спутнику. Но смотри, Дёран. Ведь не только киморт, но и любой человек состоит не только из памяти и сил. Из чувств — тоже!

Растерянно касаюсь семиструнки, и она отзывается хрустальным вздохом.

Плохо.

Не могу сдержаться, а надо.

— Думаю, что так, Фог. Мы любим и ненавидим, мы боимся и желаем, испытываем отвращение и восторг, нежность и ярость, страсть и охлаждение, лень и воодушевление. Это всё и делает нас живыми.

— Вот! И Миштар тоже думал об этом, — кивает Фог. — Посмотри, какая сила заключена в чувствах! Из-за чувств юг превратился в Землю злых чудес, из-за чувств Аюс Счастливица была возвышена из кружевниц в младшие жены ишмы, а после его смерти заправляла Ишмиратом как своим домом. Чувства приводят в движение историю и пространство! В них заключена невероятная сила! И ведь не может быть так, что она испаряется в никуда, да? Может, чувства превращаются в волны? Как звук. В невидимые волны, которые разлетаются во все стороны, когда киморт становится эстрой. Ну, так решил Миштар. И ещё он предположил, что если бы нашлось что-то, способное отразить их... вроде неизвестной мембраны в небесах, которая отражает неслышимые волны преображённого звука... — Фог задыхается от восторга. Глаза у неё горят; лиловатая дымка морт окутывает запястья и шею, как диковинное украшение. — Словом, чувства вернулись бы к эстре! И он снова стал бы собой. Ведь даже если нет памяти — можно сотворить новую. Если нет силы — можно накопить! И лишь чувства, повторить которые нельзя, становятся препятствием на пути возвращения

личности к киморту... к эстре то есть, — смущается Фог. — Это называется «эхо Миштар». И я хочу доказать, что оно существует! А Алаойш в меня не верит, — жалуется она.

Переглядываюсь со старым другом, и тот усмехается:

— Отчего же. Ты умная женщина, Фогарта Сой-рон. И у тебя почти триста лет впереди, чтобы доказать существование эха Миштар. У самого Миштара было всего двадцать четыре года... кхм, как говорят хроники.

За столом повисает тягостная, вязкая тишина.

Алаойш смотрит в свою чашу. А Фогарта — на него, уже почти не таясь, потому что мгновение искренности пьянит сильнее ойги. И взгляд Фог словно ласкает — и руки Алаойша, тонкие запястья сына старинного вельможного рода, две чёрные родинки под большим пальцем; и плотный шёлк его рабочей хисты с утянутыми шнурком рукавами; и плоский чёрный камень на витой цепочке в вырезе одеяния — на камешке выточено её, Фог, имя, но она не знает этого; и лицо его, не испорченное влиянием дурной иноземной крови — черты тонкие, резкие, нос ровный, без горбинки, уголки глаз приподняты к вискам, а линия ресниц словно вычерчена углём, и на щеке ещё одна родинка — поцелуй удачи, как говорят в Лоргинариуме.

Всем хорош Алаойш, да только совсем выцвели его глаза, совсем прозрачные стали.

Вздыхаю — и перекладываю семиструнку на колени.

— Не слышал я о твоём эхе Миштар, но слышал странную песню. О том, как однажды некий эстра сумел избавиться от своего спутника навсегда и потерял связь с дыханием мира, морт, но прожил долгую-долгую жизнь со своей любимой.

— Спой, — просит Фогарта, как жалуется.

— Спой, — деревянно кивает Алаойш.

Остаток вечера проходит в песнях и блаженном пьяном тумане домашней ойги на пряных травах.

От ночёвки под крышей я отказываюсь — не место мне в этом доме. Не сейчас.

Напоследок обнимаю Фог, как сестру, и шепчу ей:

— Будь сильной, хорошо? А если захочешь меня увидеть — назови любому сказителю моё имя, и я вскоре найду тебя. Светлого пути тебе, Фогарта! И Алиша береги.

— И тебе светлого пути, Дёран! — плачет, дурочка, сама не зная почему.

Фог с Орой остаются дома. Алаойш провожает меня до окраин Шимры.

В тени дерева чи, куда не попадает свет ни старшей, ни младшей луны, он останавливается и спрашивает:

— Ты ведь зашёл попрощаться, Дёран? Ты знал?

Лгать смысла нет.

— Чуял. Ведь сегодня, да, Алиш?

— Или завтра. — Он отворачивается. — Или через дюжину дней. Но скоро. Я тоже... чую. Ты спрашивал, отчего я не хотел брать Фог в жены? Вот потому и не хотел, — отсекается он. — Пожалуй, скоро уйду. Далеко. Не хочу мучить её.

— Понимаю, — касаюсь его руки. — Светлого пути тебе, Алиш. Я постараюсь найти тебя потом.

— Не обещай невозможного, — просит он негромко. — Светлого пути!

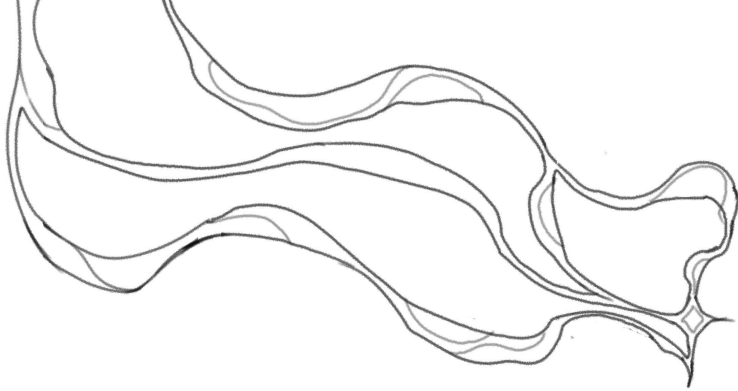
После этого я иду, не оглядываясь. У сказителей нет дома; нам не о чем жалеть. Но Алаойш и Фог пока хранят этот дом, вместе.

Быть может, я смогу навестить их ещё раз.

СПУТНИК

Алаойш Та-ци, Восточный Лоргинариум

Когда он очнулся, уже почти наступила ночь. Нечто подавляюще громадное нависало над ним, заслоняя и небо, и землю, и даже сами его мысли.

«Спутник», — возникло в пустоте слово, а затем пришло имя.

Это показалось правильным.

Теперь он не знал ничего, кроме одного: он — эстра, а спутника зовут Алаойш Та-ци.

Куда мне идти?

Спутник безмолвно простёр руку к западу, потом к востоку. Тени метнулись вслед за движением; эстра почувствовал, как в него по крупицам вливается знание — о сторонах света, о времени дня и ночи, о том, что смолистые деревья, подобные тем, что растут вокруг, бывают лишь в горных долинах Лоргинариума. Постепенно эстра осознал, что ему следует подняться и вырезать ножом, заткнутым за пояс, длинный посох из тонкой и прямой ветви, а затем повязать на неё алую ленту — ту самую, что обёрнута сейчас вокруг его руки. А исполнив всё это, идти на восток.

С востока дул ветер и пахло дымом. А ещё — там дрожало лиловатое марево, невидимое глазу простого человека, и оно называлось морт.

Закончив вырезать посох, эстра ощутил мертвящую тяжесть. Спутник, заслоняющий небо и землю, выжидал.

— Я благодарю тебя. — Слова давались нелегко, точно их силой приходилось вытягивать из памяти. Но они были единственно верными и давали облегчение. — Я буду звать тебя снова.

Спутник взметнулся к небу потоком искр, но одна из них зависла над левым плечом эстры холодной звездой.

Тяжесть исчезла.

Дорога к человеческому жилью обещала быть долгой.

Сперва подлесок почти не мешал — редкие молодые побеги легко перешагнуть или обойти. Но вскоре заросли начали становиться гуще и гуще. Колючие лозы, усыпанные мелкими белыми цветами — поздняя весна в горах бывала долгой, — переплетались с кустарником и повисали на старых деревьях, временами образуя непроходимый заслон. Простое чёрное одеяние с широкой накидкой, перетянутой широким поясом, мало подходило для такого путешествия, и вскоре эстре пришлось остановиться, чтобы снять её и остаться в одной плотной рубахе. Под плотной рубахой оказалась другая, гораздо нежнее и тоньше, а ноги были замотаны до колен широкими полосами ткани. Эхо воспоминаний шептало, что выходить в таком виде к людям непристойно; здравый смысл говорил, что куда хуже изодрать шипами единственную накидку.

«Хиста. Это называется хиста».

Через некоторое время эстра понял, что о чём бы он ни задумался, в голове обязательно начнут всплывать обрывки разрозненных сведений об этом предмете, будь то одежда, какое-то растение или деревенские традиции. Что-то из тех полувоспоминаний-полуозарений казалось непререкаемой истиной, что-то предположением, а что-то — смутным откликом из сна. Когда на прогалине в лесу попало дерево, под которым в изобилии лежали мелкие плоды в светло-коричневой скорлупе, странник вспомнил, что они на вкус пряные, немного смолистые и что ими можно хорошо утолить голод, но потом обязательно захочется пить.

Вот только эстра не мог понять, хорошим ли кажется их вкус или же отвратительным.

— Как будто знания во мне — не мои, — пробормотал он, переступая с ноги на ногу, и вдруг ясно осознал: чувство, которое он сейчас испытывает — беспокойство. — Это орехи дерева нум... они редко встречаются и считаются деликатесом... Но нравятся ли они мне?

Не иметь собственных пристрастий, желаний, не знать, какие эмоции вызывает в нём то или иное явление либо предмет, оказалось неприятно.

Посох был достаточно длинным, чтобы сбить с дерева несколько орехов: память подсказывала, что те, лежащие на земле, остались с позапрошлого года и хуже годятся в пищу. Скорлупа легко крошилась даже под пальцами и распространяла резкий хвойный запах. Ядрышко оказалось жёлто-зелёным и шершавым; эстра начистил для себя целую горсть и лишь потом осторожно прикусил одно из них.

Сильный и яркий вкус был совсем не таким, как в воспоминаниях.

Эстра почувствовал странное тепло в груди — и улыбнулся.

— Кажется, орехи мне всё-таки нравятся.

Вскоре окончательно стемнело. Звезда спутника над плечом постепенно разгоралась ярче и ярче — так, что можно было идти, не опасаясь запнуться за колючую лозу или провалиться в овраг. Чувство нехватки времени, непоправимого опоздания словно нарастало с этим светом и торопило скорей добраться до человеческого жилья. И эстра шёл ночь напролёт, а когда тёмное небо начало светлеть, лес наконец расступился.

Дальше лежала широкая полоса некошеного луга, обрамлявшая бескрайние сады с цветущим кустарником в полтора человеческого роста. А в самом сердце этих садов раскинулось большое поселение — на тысячу домов, не меньше.

Лиловая дымка морт клубилась над ним, горькая, как запах пожара.

Издали казалось, что вокруг поселения нет ни ограждения, ни дозорных. Однако стоило эстре подойти ближе, как за первой линией цветущего кустарника стали видны опор-

ные столбы. Они располагались через каждые двадцать шагов. Между ними тянулись полупрозрачные нити основы, по которым вилась серебристая паутинка. От неё исходил тихий и низкий гул. На шаг по ту и другую сторону от заграждающей сети трава не росла.

Звезда спутника над плечом предупреждающе дрогнула.

— Знаю, — пробормотал эстра, отламывая от куста тонкую зелёную веточку — сплошь в бледно-жёлтых цветах. — Опасная конструкция. Вот только интересно, для чего в обычном поселении нужна такая защита.

Отступив на шаг, эстра кинул веточку вперёд.

Едва коснувшись серебристых паутинок, она разом прилипла, всеми листьями, как если была бы железной, а паутина — магнитной... и начала стремительно чернеть. Эстра отсчитал три удара сердца до того, как ветка осыпалась на землю грязно-бурым порошком.

— Видно, придётся искать ворота.

Вспомнив, как выглядело поселение с холма, эстра направился к северу. Когда солнце показалось над краем леса, цветущие сады пересекла заросшая дорога — достаточно широкая, чтобы по ней проехала одна грузовая самоходная повозка. По центру, между колеи, вилась тропа. По ту сторону ограды, справа от дороги, торчала сторожевая башенка на четырёх опорах.

— Значит, ходят здесь чаще, чем ездят, — прошептал эстра. Хотелось коснуться звезды над плечом, спросить совета, но воспоминание о тошнотворной тяжести чужой памяти и силы предостерегало от этого. К спутнику стоило обращаться только в крайнем случае. — А вот и ворота. Что ж, попробуем войти...

Стражем ворот оказалась женщина — старая северянка с толстой седой косой через плечо. У основания сторожевой вышки были привязаны две рыжие тонконогие собаки с вытянутыми мордами, как у ишмирятских ищеек. Видимо, женщина понадеялась на звериный нюх, позволила себе немного подремать — и пропустила появление чужака.

Эстры не пахнут.

— При такой сети на рубеже — такой страж, — негромко произнёс он. В груди медленно разгорался чудной зуд — любопытство, подсказала чужая память. И этот зуд, как солнце весной пробуждает цветы от зимнего сна, пробуждал новые и новые чувства. Эстра уже путался в них, не успевая вспоминать названия; он ощущал себя одновременно полным и неполным, как будто для осознания чего-то очень важно не хватало сущей мелочи. — Орра, госпожа!

Наречие лоргин легло на язык мягко и привычно, словно в иной, далекой жизни эстра говорил на нём так же свободно и легко, как на своём собственном. И это потянуло за собой пугающую до холодка мысль:

«А какое же наречие — моё родное?»

Но в то же мгновение северянка проснулась и заметила чужака.

Оцепенение её длилось не больше вдоха. Раз — и сорвался с крючка стреломёт, два — она взяла эстру на прицел, три — и науськанные свистом собаки разразились баковитым лаем.

— Кто такой? Назовись!

Эстра запрокинул лицо, чтоб лучше было видно прозрачные глаза, и предупреждающе поднял посох, обмотанный красной лентой. Для собак хватило одного взгляда — они сразу же притихли и забились под вышку.

— У меня пока нет имени.

Женщина напряглась, готовая в любую секунду спустить курок стреломёта. Целилась уверенно, привычно, однако страх сквозил в каждом ее движении.

— Красной тряпкой всяк палку обмотать может. А поди докажи, что эстра, а не мертвоходец, не изверженец... Или просто — не проходимец какой!

Сухие губы её дрожали, но руки были тверды.

— Хорошо, — произнес эстра через некоторое время. — Я докажу. Но потом, в отплату, расскажи мне, отчего вокрут столько страха.

Предчувствие дурного, неправильного навалилось горой на плечи.

Эстра длинно выдохнул и завел посох за спину, цепляя на оплетённый красной лентой конец звезду спутника. Обычная палка разом потяжелела, словно на неё навесили перемётную суму, наполненную камнями.

— Помоги мне, — прошептал эстра и шагнул вперед, к блестящим металлическим пластинам ворот. — Одолжи мне свою силу!

Из-под ногтей засочилась кровь — мучительно и медленно, как будто что-то выжимало её из сосудов. Руки почти сразу же свело судорогой. Капельки крови поползли по посоху вверх, вверх — пока не достигли тускло мерцающей звезды спутника.

И тогда эстра увидел — лиловые вены морт, пульсирующие внутри листового металла ворот, и багряные коробочки с мирцитом, питающие сложный механизм.

Понимать устройство вещей оказалось радостно.

— Ах вот как оно сделано. Хороший мастер живет в этом поселении, госпожа. Обязательно зайду увидеться с ним, — улыбнулся эстра и шагнул вперед, уже вплотную к воротам. — Откройся.

Он повел посохом, подцепляя линию морт и слегка оттягивая её в сторону — так, чтоб механизм проснулся, и створки врат пришли в движение. Оказавшись за стеной поселения, эстра отпустил линию, и всё вернулось на места: и тяжёлые ворота — в исходное положение, и пылающая звезда спутника — за плечо.

Северянка повесила стреломёт на крючок и сноровисто спустилась по лестнице. Собаки тут же принялись ластиться к ногам — боялись наказания за оплошность. Стукнув их походя по носам, женщина подошла к эстре и поклонилась.

— Орра, странник. Колесо Судьбы нам послало эстру, о котором мы просили. Я Огита, — коснулась она цветной вышивки над сердцем. Верно, это был знак её рода, но эстра, как ни пытался вспомнить, не смог собрать из осколков памяти ничего: может, раньше ему не приходилось встречать

родичей этой женщины, а может, нужно было обратиться за знанием к спутнику. — Погоди, я позову свою сменщицу, а потом отведу тебя туда, где ты сможешь отдохнуть.

Оставив эстру наедине с собаками, Огита постучала в ближайший дом. На порог вышла молодая женщина в синем платье. Объяснив ей ситуацию, Огита кивнула на вышку, на собак — и, получив согласие, быстро вернулась.

— Иди за мной, странник, — попросила Огита, на ходу затягивая шнуровку на распущенном во сне ворота. Вблизи женщина оказалась не такой старой, как виделась издали: седые волосы сбивали с толку, но на самом деле она наверняка едва-едва успела выдать замуж старшую дочь. Лицо у Огиты было обветренным, с глубокими морщинами — на лбу и от уголков рта к крыльям носа. Двигалась она проворно, но иногда резко замирала или запинаясь, словно от непривычной боли в спине или в ноге: так себя вели люди, лишь недавно получившие увечье и ещё не успевшие приспособиться к нему. — Есть хочешь?

Эстра прислушался к себе.

— Пожалуй, — кивнул он. — Но больше пить и спать. Так от чего вы прячетесь за столь искусно сделанной оградой? От хищников или контрабандистов такие опасные заслоны не ставят.

— Это поглядеть надо, от каких хищников, — хмыкнула Огита. — У нас... — она запнулась и, словно через силу, продолжила: — ... мертвоходцы.

Кажется, слово должно было вызвать страх, но эстра ощутил только любопытство, причём куда более острое, чем при виде серебряной ограды на рубеже.

— Мертвоходцы? А откуда лезут?

— Из лесу, откуда ещё, — пожал плечами Огита, искомса глядя на эстру. — Тут воевали много. Да и торговцы часто пропадают, даже с охраной. Так что тел-то в избытке. Но раньше одного мертвоходца видели добро б за двадцать лет.

— А теперь? — с любопытством переспросил эстра. Волосы, выбившиеся из косы за время перехода по лесу, падали теперь на лицо.

«Остричь или увязать лентой? Что мне понравится больше? Интересно...»

— Да вот лет пять назад как попёрли — так и не остановишь их ничем, — ответила Огита, зябко скрещивая руки на груди. — С сотню уже было. Первый десяток много зла наделал. Четыре крайних дома сгнили, целый сад раймы погиб. И люди... в тех гнилых домах — целыми семьями, да и соседей кой-кого заразить успели. Поодиночке в лесу тридцать человек заразило, пятерых мастер спас, но остальные... — Лицо у неё стало бледное в просинь, а глаза — наоборот, почернели от расширенных зрачков. — Ну, мы им мучиться не позволили. Как поняли, что отсечением руки или ноги не отделаться — отсекли голову. А мертвецов в яме сожгли, всё по уму. Ну, потом мастер за дело взялся. Все вместе денег собрали, купили серебряной проволоки, мирциту, а мастер уж механизм собрал. Со всех сторон проход к поселению закрыли, а на ворота стражей посадили, чтоб мирных путников впускать. То четыре года назад было. С тех пор редко кого в лесу зацепят или по дороге к городу, чаще скотину какую неразумную на пастбище, за оградой, но то убыток небольшой, телят с козлятами и из города привезти можно. А мы привыкли уже, но за детей боязно.

Эстра, опираясь на посох, в задумчивости тронул звезду спутника. Ногти снова закровоточили, но взамен по жилам заструилось знание.

«Четыре дома сгнили! Здесь действительно хороший мастер, если сумел остановить такую сильную гниль. И тридцать человек убитыми... А поранили скольких? Огиту наверняка мертвоходцы задели, но лекарство она получила вовремя — и просто состарилась с виду, без вреда для тела. А другие люди?»

— Когда ты встретила мертвоходца?

— В том году, — неохотно откликнулась Огита. — С дочками в лесу ягоды собирали, отвлеклись. Он ка-а-ак плюнул, я собой-то Верду закрыла, а потом куртку сорвала — и бежать. Лес в том месте гнить начал, конечно, но мастер порошком гниль сжёг, огонь потом до траншеи дошел и сам

загас. Меня серебром отпоили, а Верда напугалась только. Другим хуже бывало.

За разговором окраины, утопающие в садах, незаметно кончились. Огита вывела эстру на главную улицу, и там народу бродило побольше. Кто-то отворачивался, кто-то, наоборот, с любопытством тянул шею; позади скоро собрался хвост из ребятни, но ни шума, ни расспросов не было — изредка кто-то выкрикивал приветственное «Орра, странник!», чаще юноши в охотничьих одеждах или взрослые мужчины. Лиловая дымка морт над крышами дрожала, как летнее жаркое марево.

В поселении царил страх — и отчаянная надежда.

Ближе к центру во дворах стали попадаться колодцы — один на три-четыре дома, да и сами дома выглядели богаче и наряднее. Срубы — так на два-три этажа, крыши — так черепичные, а не дерновые. И везде, у каждого жилища, рос всё тот же высокий кустарник с бледно-жёлтыми цветами.

— Огита, а чем живёт ваше поселение? Торговля пушниной? И я почему-то не вижу огородов...

— Огороды на южной стороне, за домами, там же и скотный двор. А тут раймовые сады и пасеки. — Огита искоса бросила на эстру настороженный взгляд. — Сам, небось, теперь понимаешь, отчего мы так дружны. В одиночку раймовый сад не возделаешь, за ним пригляд нужен круглый год. Пчеловоды — чтобы пасеку в порядке содержать, ведь без пчёл ягод мало уродится. Садовники за кустами ухаживают, где надо — там опору ставят, или ветки обрезают, или мох-паразит подчищают... Работы много.

— Что же, целиком поселение в садоводах ходит?

— Отчего же, — пожала плечами Огита. — У кого к чему душа лежит, тот тем и занимается. Виноделы есть, а ещё купцы, которые не побоятся в город через леса поехать. А где купцы, там и охранники... О-хо-хо, к нам, в деревню, не суются давно, а вот по дороге напасть могут, — невесело усмехнулась она. — Во всём Лоргинариуме только в нашем поселении райму и смогли приручить. Прежде только лорга, го-

ворят, вино из раймы делал — и сейчас делает, но наше всё равно лучше. У него вино едва прозрачное, а у нас — чистое солнце, — похвасталась Огита. Глаза у неё впервые с начала разговора заблестели азартно. — Семьдесят лет назад пришел бродячий мастер, нашему мастеру отец, да осел здесь. С собой он принёс три черенка раймы. Сорт был особый: за один год прижился, за десять — разрослось огромное поле. А как первый урожай ягод всей деревней сняли, как вино из него поспело — так с тех пор и не бедствовали. С тех пор кой-что мы растим, конечно, на огородах, и стадо в пятнадцать голов держим — на шерсть и молоко, и дичь бьём — благо леса тут изобильные и шесть семей охотников на всё поселение мяса добывают... Но остальное больше подводами в городе закупаем. Каши разные, соль, приправы с юга, ткани, меха — и не жалуемся.

— И неужели мирно живёте? Нет ни споров из-за раздела прибыли, ни богатых, ни бедных?

— Всякое бывает, все мы люди, — пожалала плечами Огита. — Но трудные дела решаем сами, на сходке. Да и потом... Десять дней пути до ближнего города. Когда кругом одни звери да дикие земли — меняются люди, друг за друга держаться привыкают. Богаче иных у нас семья мастера, семья врачевателя, охотники и купцы. Да вот куда им деньги в лесу-то девать? То-то же.

— Интересно.

Огита тем временем поднялась на порог одного из домов и без стука распахнула дверь:

— Ора, Игим! Я привела эстру. — И оглянулась: — Проходи за мной, странник. Здесь ты будешь гостем.

Эстра взмог на крыльцо и переступил через порог, оглядываясь по сторонам. Дом был не из бедных: пол устлали ишмирятские цветные ковры, наслаиваясь один на другой, оконные стёкла казались прозрачней родниковой воды, и даже на глухой стене висела квадратная панель с мозаикой из чёрного и медового янтаря. На верхние этажи вела широкая лестница с резными перилами; напротив неё, под янтар-

ной панелью, стояли застеленные шкурами лавки и длинный стол — одним концом он примыкал к выбеленному боку печи. Эстра с наслаждением вдохнул запах дома: свежего хлеба, тёплого дерева, дымка, сухих цветов, человеческого тела и пыли от ковров. Это было знакомо, уютно, но... чуждо?

«Мой дом пах иначе?»

— Орра, странник! — наконец показался на лестнице хозяин — высокий человек преклонных лет с чёрными глазами южанина и широкими скулами. В одежде тоже сквозили южные мотивы: коричневая вышивка по вороту жилета; широкий пояс, трижды обёрнутый вокруг талии; пышные штаны, как у всадников-арафи в пустыне. Левая рука хозяина была плотно замотана белой тряпицей, и повязка, похоже, до самого локтя уходила под рукав свободной рубахи. — Колесо Судьбы наконец-то обернулось удачей. Ты ведь не откажешь нам в небольшой просьбе... — хозяин запнулся, и голова у него дёрнулась, как будто он хотел оглянуться на что-то, но боялся себя выдать, — ... по обычаю?

Звезда спутника синевато вспыхнула.

— Нет, — улыбнулся эстра. — Если и вы не откажете мне. А сперва я хочу пить, — с лёгким удивлением заключил он. — А ещё спать. Я шёл весь вечер и всю ночь с тех пор, как... С тех пор как оказался в лесах Лоргинариума.

— Понимаю, — протянул Игим, прищуривая чёрные глаза, и в задумчивости легонько потянул себя за прядь волос на виске — раз, другой, мерным поглаживающим движением. У эстры руки зачесались повторить — таким знакомым показался этот жест. — Я велю дочерям настелить тебе постель. Отдыхай, странник. Наша просьба может и подождать.

Слова звучали вежливо, улыбка Игима была радушной и искренней, но всё это отчего-то вызывало у эстры неприятное, липкое чувство. Он оглянулся на Огиту, но та быстро отступила, бормоча:

— Пойду расскажу людям. Пускай радуются. Да может, и у других будут просьбы? — и вышла из дома, прикрыв за собой дверь.

— Идём со мной, странник, — сказал Игим, кладя эстре руку на плечо. Пальцы оказались холодными и жёсткими, как камень, и это чувствовалось даже сквозь плотную ткань хисты. Эстра повернул голову и вздрогнул, неожиданно встретившись взглядом с хозяином дома. Игим был выше других жителей поселения — вровень с эстрой. — Я покажу тебе место, где можно омыть руки и ступни после долгой дороги. Эй, Нэла, Тольга! Готовьте для гостя ложе в лучшей комнате! — крикнул он, обернувшись к лестнице. Кто-то захихикал, и по полу простучали босые пятки. — Мои дочери, младшие, — пояснил Игим. — Красавицы. Хочешь, Тольга станцует тебе перед сном?

— Нет, — торопливо ответил эстра, чувствуя, что это «станцует перед сном» значит совершенно иное, чем должно бы. — Я просто хочу отдохнуть. И выпить воды. И омыть ступни после дороги, пожалуй, тоже, — добавил он, невзначай отступая в сторону так, чтобы рука Игима наконец соскользнула с плеча. — Ты щедрый хозяин, Игим.

— Так ведь и услуга будет щедрой, — усмехнулся он.

Нагретой воды в металлическом баке хватило с лихвой. Грязную одежду пришлось оставить в купальне, у скамьи. Раздеваясь, эстра обнаружил у себя на шее шнурок с плоским чёрным камнем, на котором с обратной стороны было начертано короткое слово. Прочитать его, к сожалению, не получилось — поперёк надписи тянулась свежая трещина, и часть знаков осыпалась.

«Похоже на имя какое-то... Саргата? Рогарта? Нет, не то. Может, название города?»

От попыток угадать резко и сильно разболелась голова. Звезда спутника над плечом опасно потяжелела, намекая, что это знание пока под запретом. Наскоро ополоснувшись, эстра завернулся в хозяйскую накидку и прошёл в заднюю комнату. Постель уже была готова — несколько толстых вязаных ковров, как в Ишмирате, уложенных друг на друга и укрытых мягкой тканью. Подсунув под голову заплечную суму, эстра натянул покрывало до плеч и закрыл глаза, пытаясь уснуть.

У дверного проема, закрытого плотной занавесью, кто-то тихонько перешёптывался и хихикал.

— ...красивый, — долетело до слуха эстры восхищённое. — У Миргиты не такой был...

— ...вечно тебе кусок послаще достаётся...

— А ну брысь! — прогремел низкий женский голос. — Вот ведь девки-переростки! С женихами своими балакайте, вон, они ждут не дождутся!

Через некоторое время звуки стихли. И, вслушиваясь в собственное дыхание, эстра незаметно уснул.

Дышалось в этом доме куда тяжелей, чем в лесу.

Эстра видел сон.

Что-то восхитительно живое, настоящее, родное кружилось перед внутренним взором: широкие серые рукава, край пронзительно-бирюзовой ткани, красноватая прядь, заправленная за ухо... И в такт этому суматошному танцу звенели ветряные колокольчики — стеклянные трубки на длинных шнурах. Эстра смеялся и хлопал в ладоши, а где-то рядом лаяла хрипло старая собака. А потом в лай начал вплетаться трусливый скулёж, стеклянный перезвон колокольчиков становился металлическим и резким — и всё более громким с каждым ударом, а на ноги наваливалась неимоверная тяжесть. Она напознала выше и выше, и, когда достигла груди — эстра очнулся.

За низким окном вечерело.

Ноги запутались в покрывалах.

На улице захлёбывались воем, кажется, все собаки разом, а детский голос раз за разом тоненько выкрикивал:

— Мертвоходец! У Гааны дом загнил! Мертвоходец!

Эстра, как был, в одной накидке и босой выскочил из дома — только посох успел прихватить у порога. Непредсказуемый северный ветер, холодный и сырой, налетал порывами и будто нарочно подталкивал в спину. Перепутавшиеся во сне волосы падали на лицо, а полы накидки то задирались неприлично, то оплетали колени силками.

— Мертвоходец! — завопили совсем близко, и эстра, перехватив посох, сиганул прямо через низкую изгородь, ориентируясь на приглушённый гомон множества голосов. В ступню что-то впилося, но эстра только дёрнул ногой и побежал дальше, за дом, откуда и доносились крики. По грядкам, затапывая нежные ещё ростки ароматных трав, между цветущих кустов вездесущей раймы, мимо будки с жалобно поскуливающим псом...

Ветер пахнул в лицо терпким дымом от разгоревшихся просмолённых тряпок.

И — страхом.

Жгучим страхом несло от плотной толпы, вооружённой факелами на длинных палках — там, в глубине сада, за легкомысленно-солнечным облаком раймовых цветов. Люди сгрудились толпой вокруг чего-то настолько пугающего, что проще было трястись вместе, бок о бок, подбадривая друг друга глухой руганью и залихватскими выкриками, чем развернуться и убежать, а потом ждать удара в спину.

Эстра замедлил шаг и на ходу оправил задрвшуюся накидку. Звезда спутника над плечом налилась ощутимой тяжестью — словно он уже заранее знал, что сейчас понадобится его мощь, и готовился.

— ...жги, жги его! Не пускай к саду! Э-эй, мертвоходец тут, мертвоходец!

— У кого нож с собой есть? — крикнул эстра ещё издали. Звезда спутника задрожала в предвкушении подношения — и дрожь эта отдалась во всем теле противной лихорадочной слабостью.

— У меня, у меня есть! — пробасил кто-то. — А кто просит?

Поднырнув под тяжёлую раймовую ветвь, эстра выпрямился, стряхивая с волос масляно-жёлтые цветки:

— Я.

Кое-кто из ближних рядов стал оборачиваться на голос, но большей частью люди всё так же боялись отвести взгляд от мертвоходца — и пропустить момент, когда гнилая тварь бросится на факелы.

— Эстра! Эстра тут! — пронеслись шепотки.

— Хэй, там, лови нож, коли нужно! — крикнул кто-то, и в землю рядом с ногами эстры воткнулся тяжёлый нож с костяной рукоятью — из тех, что охотники с собой на удачу носят. — Не задел, не?

— Нет! Благодарствую! — откликнулся эстра, наклоняясь и вытаскивая нож. Лезвие было сплошь в жирной чёрной земле; даже полый накладки не удалось счистить всю грязь. — Как скажу — в стороны бегите. Всем слышно?

— Да-а! — нестройно откликнулись.

А эстра уселся на землю, подогнув под себя ноги, и принялся разрывать пальцами неглубокую ямку. Как она стала глубиной в пол-ладони — умял кулаком дно и стенки. Гул боязливых голосов словно просачивался под кожу, отравляя и тело, и разум.

— Хэй, он правей пошел, ну-ка его жги, жги!

Кто-то пронзительно заверещал — звук завибрировал в груди на вдохе, и это стало последней каплей. Эстра крепче сжал нож и с усилием провел кончиком по запястью левой руки, держа её над ямкой. Кровь, отравленная чужим страхом, взбухла над порезом, как уродливый багровый шрам, и — спустя бесконечность тягучего времени — вытянулась вниз и потекла тоненьким ручейком, всё быстрее и быстрее наполняя неглубокую вмятину в земле.

— Алаойш... — прошептал эстра, чувствуя, как упавшие на лицо пряди волос щекочут губы. — Алаойш Та-ци... Спустись ко мне, научи, дай мне вспомнить...

Звезда над плечом дернулась раз, другой — и словно сорвалась с невидимого крючка, покатилась, покатилась по плечу, по запястью — и утонула в лужице крови, как в омуте.

Три удара сердца не происходило ничего. Воцарилось полное беззвучие, будто лопнули барабанные перепонки. Эстра видел, как крестьяне разевают рты, шараясь от оборванного человекоподобного существа, но криков не слышал. Взметнулись ворохом опавшие лепестки раймы. Взгляд словно подёрнулся белёсой патиной... А потом кровь в ям-

ке надулась пузырём — и разлетелась мириадами невесомых брызг, и среди них тёмным призраком воздвигся спутник, за-слоня собой для эстры и небо, и землю, и сам смысл бытия.

— Туда, — онемевшие губы едва шевелились. — Туда, — повел эстра рукой, указывая на мертвоходца, потерявшего всякий страх и наседающего уже прямо на пылающие факелы. — Убери его. Хэй, вы, в стороны!

Спутник склонился ниже, словно прислушиваясь, потом ещё ниже — и обрушился на эстру исполинской волной. Потекли со всех стороны лиловатые потоки морт, скапливаясь в одной точке. И этой точкой был он, эстра; и когда вокруг всё скрылось за плотной пеленой, когда невозможно стало дышать, потому что воздух покалывал лёгкие, словно электрическими разрядами, когда свело гортань, как от непрерывного надрывного крика, эстра вдруг осознал, что нужно делать. Он раскинул руки — и спутник повторил движение за ним; скомкал морт в маленький тугой шар, поместил в него мысль, наделил стремлением — и швырнул в мертвоходца.

— Я отпускаю тебя, — успел прошептать эстра, обхватывая себя руками. Беспольный теперь нож валялся в ямке, измазанный землёй и кровью. — Отпускаю...

Спутник рассыпался мерцающими звёздочками.

Мертвоходец исчез без следа, и только белёсое пятно высохшей до трещин земли напоминало о том, что только что он был здесь.

Эстра почувствовал, как с уходом спутника потоки морт обращаются вспять — истекают из тела, как стремительно вытекает вода из кувшина с отколотым дном. Но что-то осталось внутри. Та морт, что вошла в сосуды сквозь порез на запястье, загустела и осталась в крови, согревая тело изнутри. Энергии было совсем немного, и на простейшее преобразование не хватило бы. Но эстра осознавал, что это только начало. Со временем морт накопится больше — подобное тянется к подобному. И однажды он вновь сможет манипулировать ею спокойно, не вызывая всякий раз к жадной до жизни звезде спутника.

...Морт утекала прочь — но не расплёскивалась равномерно по округе; она собиралась неподалёку тугим узлом, от которого тянулись в разные стороны тонкие-тонкие нити.

— Кто-нибудь, — отчётливо произнёс эстра в полной тишине. — Перевяжите мне руку и принесите воды. Хочу пить.

Сперва все стояли, не шевелясь, будто каждый думал, что на просьбу откликнется другой. А потом разом начали суетиться, как муравьи в разворошённой куче. Кто-то побежал к дому, кто-то начал собирать брошенные факелы, пока не случился пожар. На плечи эстре лёг тяжёлый плащ из небелёной шерсти, женский, судя по вышивке.

— А теперь-то что делать, эстра?

— Огита? — обернулся он на знакомый голос. Стражница стояла рядом, уперев руки в бока. — Спасибо за плащ. Уже выяснили, откуда мертвоходец проник?

Она хмуро свела брови, и морщины на лбу обозначились резче.

— И выяснять нечего. Это мать Гааны была. Второго дня отошла, к завтрашнему рассвету воссожение готовили. Все обряды провели, как надо... И откуда что взялось? Гнили на тех домах отродясь не было. Ветром, что ли, занесло?

Эстра сощурился, глядя на тугую спираль морт, закручивающуюся совсем близко, шагах в двухстах.

— Ветром разве что дым занесёт... Так чего у меня поселяне просить хотели, Огита? От мертвоходцев избавить? Навсегда не выйдет. Они являются по воле морт и по воле её исчезают.

— Так хоть скажи, чего морт сейчас хочет! Поселение наше извести, что ли? — в сердцах рывкнула Огита и сама испугалась. Низко склонила голову, повинулась скороговоркой: — Не держи зла, странник, все на одном колесе судьбы вертимся...

— Оставь, — поморщился эстра. — Не время. Я могу найти причину, из-за которой вас беспокоят мертвоходцы. Но это будет иметь свою цену. Высокую цену.

Огита побледнела. Поселяне, собиравшие кругом догоревшие факелы и потраченные гнилью жерди, которыми удерживали чудовище, нет-нет да и оглядывались на эстру. Двое

мальчишек, явно братья с небольшой разницей в возрасте, и вовсе слушали разговор, не таясь.

— Вы отдадите мне то, о чём я попрошу, — спокойно произнес эстра. Тугая спираль морт сместилась к югу и медленно поплыла в сторону раймовых садов. — Чем бы это ни оказалось. И позвольте мне уйти. Если вы откажетесь сейчас, то я возьму за изгнание мертвоходца плату одеждой и едой, а затем покину ваше поселение, не дожидаясь утра.

Один из мужчин замер и выронил охапку факелов, но, кажется, даже не заметил этого. Эстра незаметно окинул его взглядом. Обычный северянин, зеленоглазый и светловолосый, только по рукавам вились традиционные узоры пустынной трёхцветной вышивки.

— Надо подумать. — Огита отступила на шаг. — Плата и впрямь большая. Созовём сходку, вместе обдумаем, тогда и тебе скажем.

— Думайте до вечера, — разрешил эстра. — Если решите принять условия, то принесите тогда мне список — кто в дом Гааны входил за последние два дня. Особо отметьте тех, кто хотел войти, но его не пустили. Про каждого напишите, кто его мать с отцом.

— Список? — удивилась Огита. — Что ж, если сходка решит — будет тебе список. Грамотных у нас хватает, почитай, каждый четвёртый. Сама и напишу, коли надо будет. А ты до тех пор где будешь, странник?

— Пока что у Игима в доме, — ответил эстра, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду от грязи. — Если кто-то со мной наедине поговорить захочет, пусть туда идёт. Спасибо за плащ, Огита.

— Возьми себе, — качнула она головой. — Кабы не ты, кто знает, скольких бы сейчас гнилью зацепило. А с домом-то Гааны что делать? Мы уж посмотрели, там вся комната, где мать-покойница лежала, сплошь в черноте.

— Что обычно, — пожал плечами эстра. — Жечь.

Тут наконец вернулась девчонка, убежавшая за питьём, и принесла чашу с подогретой водой. В ней плавали жёлтые

лепестки раймы, источавшие слабый медовый аромат. Эстра прислонил посох к деревцу и залпом выпил воду, из-под опущенных ресниц поглядывая на поселян.

Мужчина с южной вышивкой на одежде уже исчез — сбежал, пока Огита говорила про сходку. Факелы он так и не собрал.

Чашу эстра вернул девчонке.

— Спасибо, милая. Как твоё имя?

— Верда, — опустила она глаза и вспыхнула. Эстра улыбнулся — красавица; пышная русая коса с отливом в рыжий, ровная светлая кожа, тонкий стан... — Я Огиты и Рилама дочь.

— Отведёшь меня к Игиму? — спросил эстра. — Что-то я дорогу потерял.

— Отведу! — обрадовалась девчонка и засмушалась от своей радости ещё больше. — Здесь через сад срезать можно.

— Да мне бы лучше кругом, по дороге, — усмехнулся эстра и напоказ пошевелил пальцами босой ноги. — И так рассадил уже ступню, промыть и перевязать бы, пока заразы не нахватал.

— Ох, так иди к нам! Я и промою, и перевяжу, и... — с жаром предложила она и осеклась. — Ты не подумай, что мне надо чего. Интересно просто. Я-то эстру в первый раз вижу, — совсем тихо созналась.

Он засмеялся:

— Тогда мы с тобой похожи. Для меня тоже многое как впервые.

Оказалось, что жила Верда близко. Это через ограду её двора пришлось перелезть, когда понадобилось срезать путь. Дом был хоть и большим, но не так богато обставленным, как у Игима. Никаких ковров и мозаики, зато ставни резные, печь расписанная, и видно, что многое сделано своими руками, а не куплено в городе по случаю. Девчонка сразу метнулась в хозяйственный угол, принесла таз, деловито опрокинула туда ведро воды, достала из шкатулки огонь-камень и бросила на дно. Пока вода грелась, Верда сбежала за мазью и тканью для перевязки.

— Присядь на лавку, — приказала строго. — Сейчас я поближе таз подвину, и лечить тебя будем.

Эстру смех разобрал от этой серьёзности, но пришлось послушаться.

— Смотрю, ты в доме за хозяйку?

— Давно уже, — гордо ответила девчонка. — Как сестёр замуж выдали, я главная стала. Мне пятнадцатый год идёт, но мать говорит, что замуж рано. А я бы пошла! Илга, старшая наша, за городского вышла, и теперь живёт далеко. Но такие гостинцы шлёт! А у нас тут лес и лес кругом, — вздохнула она с сожалением. — Матери-то с отцом хорошо, они охотиться любят. Бывало, на три-четыре дня в лес уходят. А я урок свой по саду сделаю, ну, жуков там оберу или порыхлю, где главный садовник скажет, потом дома приберусь, еду приготовлю, в огороде похозяйствую. А дальше что?

— С подружками поиграть или с поклонниками? — предположил эстра, поддразнивая девчонку, но она помрачнела, точно шутка попала аккурат по больному месту.

— А что с ними играть? — Верда с натугой подвинула таз и быстро, чтоб не обжечься, вытащила огонь-камень. На воздухе он тут же потемнел и остыл. — Скучно. Я лучше книгу читаю, меня Огита научила. У нас целых три книги есть, а одна даже с картинками.

«Врёшь ведь, — подумал эстра. — Не скучно тебе. Боишься кого-то... Знать бы кого».

— Книжки — дело хорошее. Если любишь читать, то тебе действительно в город прямая дорога. Станешь женой писаря — сто книжек прочитаешь, а то и больше, — улыбнулся он. — Что, можно ли теперь ноги в таз опускать?

— Опускай, — разрешила Верда. — Вода нагрелась.

— Уже сам чувствую, как нагрелась... ох... — Порез на ступне зашипало. — А огонь-камень у тебя откуда? Мастер сделал?

Заправив косу за воротник, чтоб не свешивалась в таз, девчонка села на пол и принялась осторожно обмывать ноги эстры — сперва здоровую, потом раненую.

— От старого ещё. Он тогда всем сделал по камню, в каждый дом. Читать многих учил, за так, — мать мою, например, — Верда вздохнула. — Жаль, что он ушёл.

— Ушёл? — насторожился эстра. Что-то в словах девочки вызывало тревогу, смутное напоминание о неприятном событии. — Как это — ушёл? Разве не умер?

— Игим говорит, что умер, — ответила Верда, не поднимая взгляда. Руки её под водой замерли. — Что, мол, зверь его загрыз в лесу. Но люди шепчутся, что старый мастер ушёл в тот день с полной котомкой, будто собирался идти в город, а у ворот попрощался со стражниками, как в последний раз. Я это знаю, потому что тогда мой отец, Рилам, на вышке сидел. Он мне и рассказал.

— Понимаю. А часто ли сменяются часовые? — спросил эстра. Что-то не давало ему покоя, словно жужжала надоедливая муха над головой — не отмахнёшься, не прогонишь. — Ограда оградой, но всё же поселение нужно охранять не только от мертвоходцев. А люди чего только не придумают, чтобы богатому соседу досадить, уж ограду-то наверняка перескочить смогут. Не такая она и высокая — можно, к примеру, стремянку принести.

— Люди? — Верда задумалась. — Нет, людей мы не боимся. Конечно, сады любой пожечь может, для этого и через забор лезть не надо. Ну да кому польза с того будет? Вон, мама рассказывала, что только раз на её памяти всем поселением пришлось обороняться от хадаров.

— Хадаров?

— От лихих людей из леса. В хадары обычно погорельцы из заразных поселений идут, когда денег на киморта нет, и дома приходится жечь.

— Ах, так это разбойники просто, — кивнул эстра. Девочка принялась осторожно вытирать его ступни мягкой тканью, стараясь не задевать рану. — Значит, хадары на вас не зарятся... А скажи, Верда, ограда четыре года назад появилась, я запомнил правильно?

— Да.

Она отвинтила крышку с банки, и в нос ударил резкий, терпкий запах мази, немного похожий на загнившую траву. У эстры сами собой поджались пальцы на ногах, как будто тело знало — сейчас произойдет что-то неприятное.

— Мертвоходцы намного раньше появились?

— Да они всегда были, только не так много, — сказала Верда и, щедро зачерпнув лекарство пальцем, смазала рану. Эстра выдохнул прерывисто — сначала защипало так, что казалось, будто кожа плавится, но постепенно жжение превратилось в лёгкий холодок, от которого ступня онемела. — А если подумать... Лет семь назад полезли из леса, точно их кто-то на веревочке тянул.

От этих слов у эстры в груди появился тугой комок. Чувство неправильности, искусственности стало невыносимым. Лиловатый дым морт, такой густой, что его можно было ощутить за целый день пути; ворота, вроде бы работающие на мирците, и смертельно опасная ограда; старый мастер, который то ли умер, то ли просто ушёл, и Игим, знающий об эстрах и кимортах слишком много; наконец, завистливые шепотки бесстыдных девиц и загадочная Миргита...

«...у Миргиты не такой был...»

Это ведь о нём говорили, о страннике-эстре, его между собой делили младшие дочери Игима.

«Куда же тогда делась старшая?»

— Спасибо, Верда, — вслух произнес эстра, когда девчонка как следует перевязала его ногу. — Вот ты меня выручила! Скажи ещё напоследок — не для дела, а любопытства ради. Кто такая Миргита?

— Игима старшая дочь. Такая красавица, — завистливо вздохнула Верда и потеряла косу. — Её муж — врачавателя сын.

Эстра засмеялся:

— Вот уж не подумал бы, что Игима уже в пору дедом звать. Или ещё не в пору?

Верда хихикнула в ладошку:

— В пору. Да не просто дедом, а трижды дедом — у Миргиты дочка и два сына.

— Взрослые?

— Дочке уже двенадцатый год идёт, а мальчишки — малышечки, позапрошлой весной родились.

Подозрение, побудившее затребовать дорогую плату за услугу, окрепло и стало уверенностью.

«Теперь нужно только обойти поселение и взглянуть на потоки морт, чтоб окончательно убедиться. И заранее собрать котомку, — подумал эстра. — Кто знает — может, и убежать придётся».

— Вот и славно. Ну, что ж, благодарю тебя, Верда. А не хочешь ли со мной погулять по округе? Заодно и подскажешь, кто где живёт.

— Хочу! — горячо согласилась девчонка и от полноты чувств едва не расплескала воду из таза. — Ой, погодите только, я уберу тут всё, быстро-быстро! А ты будешь гнездо мертвоходцев искать, да?

— Не гнездо, — покачал головой эстра. — Источник. Но сперва мы вернёмся в дом к мастеру. Не бродить же мне до вечера в одной нижней рубахе?

Щеки у Верды вспыхнули.

У Игима пришлось задержаться. Оказалось, что накидку эстры девушки зачем-то утащили стирать, верхнюю рубаху тоже, сандалии из тонкой кожи на толстой подошве из коры дерева хан отдавать и вовсе отказались — якобы от долгой ходьбы по лесу ремешки изорвались и пришли в негодность. Сам эстра не помнил, чтобы такое было, но спорить не стал и позволил обрядить себя в шерстяные штаны с курткой, по северному обычаю, и в высокие сапоги. Лукавые сестры, хихикая, шнуровали одежду, переглядываясь, и так и норовили коснуться рукой будто бы невзначай его ключиц или бедра... Он чувствовал себя дорогой куклой, которую отдали на потеху избалованным детям.

— Вот и всё, — опустила взгляд старшая сестра и толкнула в бок младшую, чтоб и та поклонилась. — Осталось только волосы в косу заплести. Помочь тебе, странник? — и она протянула руку, словно хотела то ли погладить его по щеке, то ли обнять.

Эстра усмехнулся.

«Не ждёте отказа, верно?»

— Не нужно. Верда, ну-ка дай нож, — обернулся он к девчонке, хмуро поджидающей его у порога. Та встрепенулась, полезла за пояс и достала костяное лезвие на деревянной ручке — таким лечебные травы срезают. — О, хорошо, острый! Подойдёт.

И, скрутив волосы в жгут, эстра обрезал их одним движением. В глазах старшей сестры появилась злая обида — но лишь на мгновение.

— Что же ты так, странник, — грустно улыбнулась девушка. — Такую красоту испортил. Сказал бы — мы бы тебя лучше постригли.

«Поиграли бы вдоволь», — поправил про себя эстра.

— Не до того, времени мало, а дел много, — сказал он вслух и, скомкав волосы, оглянулся на очаг. Жар шёл, но огня не было; эстра быстро положил волосяной жгут на рдеющие угли и прикрыл заслонку. Вспыхнуло пламя, горько потянуло палёным. — Вот, теперь гораздо удобнее. Пойдём, Верда, покажешь мне поселение, как обещала.

Поздней весной в северных землях день долгий. Слушая вполуха сбивчивый рассказ девчонки, эстра размышлял о том, что случилось с тех пор, как он пробудился в лесу, без памяти и цели, без чувств и желаний. Кажется, прошло совсем немного времени, но в скудной почве его души укоренились первые ростки чего-то настоящего — предпочтений и неприязни, стремлений и страха. И чем дальше, тем их становилось больше.

— ...а здесь главный садовник живёт.

Эстра сощурился и посмотрел, куда указывала Верда. Сам дом не сильно отличался от других в поселении — аккуратный, в два этажа, с обширным подворьем. Облака морт текли над ним, не касаясь.

«Не здесь», — подумал эстра и прикрыл глаза.

Цветущая райма пахла нестерпимо сладко.

Постепенно небо темнело на востоке, а на западе пылало, как раскалённый кузнечный горн. Алый, оранжевый, бело-золотой... Ручейки морт вспухали напряжёнными венами

и тянулись к окраинам поселения, расходясь от невидимого центра, который эстра видел даже сквозь сомкнутые веки.

— А это чей дом, Верда?

— Врачевателя. Он в саду земляные орехи растит — вкусные! Правда, они не скоро поспеют, к осени.

Напоследок, уже в сумерках, эстра прогулялся до ворот. Касаться их не стал, но взглянул повнимательнее на ёмкости с мирцитом.

— Так и знал, — пробормотал эстра, машинально поднимая ворот куртки — к вечеру стало прохладно. — Так и знал, что его слишком мало.

— Что ты говоришь? — встрепнулась Верда, и глаза у неё испуганно заблестели. — Чего мало? Это плохо? Так ты сыскал свой источник, от которого мертвоходцы питаются, или нет?

Эстра сощурился, глядя, как бледно-лиловый туман морт льнет к сосудам с мирцитом.

— Сыскал. Осталось узнать, как его зовут.

— Кого? — непонятливо насупилась Верда.

Отвечать эстра не стал.

У дома Игима уже собралась целая толпа. Большинство те, кто не побоялся дать отпор мертвоходцу. Огита, потрясая свитком, до хрипоты спорила с тем самым испуганным северянином, зеленоглазым и светловолосым, у которого рубаха была вышита такими же узорами, как у жителей пустыни. Мастер Игим сидел на пороге дома, раскурив длинную трубку, и безмолвно наблюдал за всеми издали. Рядом с ним сидела и грызла хрустящий хлебец девчужка в красном сарафане и меховой курточке.

— О чем спорите, добрые люди? — громко спросил эстра, подойдя ближе. Толпа расступилась, пропуская его.

— О списке, — подбоченилась Огита. — Я говорю, что надо Рейну вписать, а Монор — что она, мол, весь день дома просидела и никак в дом Гааны попасть не могла. А меня глаза обманывают, что ли? Наши-то дома рядышком стоят, со двора всё видно.

— Ну-ка, давайте взглянуть на список. Это те, кто в дом заходил, с родителями? — спросил эстра, забирая свиток. Пи-

сали на нём углём, видно, чтобы потом оттереть и заново использовать, поэтому слова были неразборчивые. — Да отойдите, свет загораживаете... А Рейна, которую вписывать не надо, кто такая будет?

— Дочь моя, — скрестил на груди руки Монор, неприятливо глядя на эстра. — А что?

— Ничего, — улыбнулся эстра в ответ, но северянина, кажется, приветливость только сильнее разозлила. — А ты сам-то кто будешь?

— Младший врачеватель.

— Врачевателя сын?

— Врачевание — дело семейное, — сердито ответил Монор и отвернулся, не желая больше разговаривать.

Эстра свернул свиток, чувствуя, что дальше будет только тяжелее.

«Надо было всё же котомку собрать заранее».

— Ну что ж... Игим! — окликнул он мастера. — Подойди ближе. И внучку свою приведи. Это ведь твоя внучка на пороге сидит? Рейна?

— Да, — просто сказал мастер, тяжело поднимаясь на ноги. Трубка у него погасла, но он даже не заметил. — Но не о ней речь. Скажи лучше, ты нашёл средство от мертвоходцев?

— Нашёл. Но прежде, чем я говорить буду, вы скажите, что сходка решила. Принимаете мои условия?

Монор сплюнул на землю.

— А куда деваться? Завтра, вон, будем дом Гааны жечь, кому ж охота следующим быть.

— Ты гонор-то попридержи, — посоветовала Огита и подтвердила: — Сходка решила — условия принять. Рассказывай теперь, как мертвоходцев отвадить.

Эстра усмехнулся и поймал взгляд Игима.

— Очень просто. Надо всего лишь устранить то, за чем они приходят.

Воцарилась мёртвая тишина, и в этой тишине отчётливо было слышно, как стукнулась о порог трубка Игима, выпавшая из ослабевших пальцев.

— Устранить?

— Вывести из поселения, — уточнил эстра, любуясь на перекошенное лицо мастера. Зрелище это почему-то одновременно и злило, и было приятным. — А ты что подумал, Игим? Что я предложу твоё сокровище здесь казнить? О чём ты сам думал, когда позволил своей дочери залезть в постель к киморту? Или забыл о том, кем был твой отец?

Мастер притянул к себе Рейну, поглаживая её по голове — механически, не осознавая, что делает.

— Не твоё дело, эстра.

— А твоим оно быть перестало, когда ты решил от кимортов спрятать то, что им принадлежит, — негромко произнёс эстра, но слова его услышал каждый.

Шепотки, вопросы, недоумённые восклицания — всё это становилось громче и громче, и уже даже не было слышно, как оправдывается Игим и что выговаривает отчаянно Монор красивой черноволосой женщине, прячущей лицо в ладонях.

— Что-то ты загадками объясняешься, странник, — перекрыл чей-то зычный голос прочие звуки. — Ну-ка, сознавайся, что у вас с мастером за спор.

— Спор о том, что всех здесь касается, без исключения, — в тон ему ответил эстра. — А Игим, видно, давно ждал, что за его сокровищем явятся, раз и не думает отпираться. Вы думаете, почему мертвоходцы семь лет назад в ваше поселение зачастили? — Голоса как отрезало. — Да только потому, что Рейне исполнилось четыре года — вышел срок, дремлющее наследие пробудилось. В четыре года такие дети перестают быть людьми.

— Она не обязательно должна была кимортом становиться, — хрипло прошептал Игим в полной тишине. Всклипла черноволосая женщина, утыкаясь в плечо Монору. — Я не стал кимортом, потому что моя мать простым человеком была, и дочери мои над морт власти не имеют, так кто же знал, что Рейна... — и он осекся, встретившись взглядом с эстрой.

— Не знал? Неужто? А может, ты наоборот надеялся, что дитя кимортом будет? Нелегко, верно, такой богатый раймовый

сад в порядке содержать. Если что-то с помощью морт создано, то без морт оно исчезнет — так же и сады вокруг, да? А твоих игрушек с мирцитом надолго не хватает, да и дороги они.

Глаза у Игима сделались злыми. Он тяжело выдохнул, комкая рубашку на груди.

— Не тебе судить, странник без дома, без родного очага.

— Зато твоим соседям, Игим, судить — в самый раз. Слушайте, добрые люди! Рейна, которую Монор в список вносить запрещал, не его дочь. Она дитя Миргиты и странника-киморта, который гостил у вас двенадцать лет назад. Было ведь такое?

— Было-было! — кто-то крикнул. — Сады занедужили, вот и пришлось киморта звать, серебром платить.

— А он у нас до самой зимы прожил!

— И постель ему в доме у мастера стелили!

Все опять загалдели и утихли лишь тогда, когда Огита прикрикнула. Тогда эстра продолжил:

— Что ж, рождение ребёнка — благо, а рождение киморта — вдвойне. А то, что Монор настолько любит свою жену, что чужую дочь взялся как родную воспитывать, — и вовсе подражания достойно. Плохо лишь то, что девочку вовремя кимортам не отдали. Ты, Игим, — обернулся он, — конечно, хороший мастер. Может, лучший в этих землях. Кто бы ещё сумел такую ограду придумать, что тянула бы излишки морт из девочки, чтобы ей было не до свершения чудес? Да только морт всё равно слишком много, и она будит покойников в округе, превращая их в мертвоходцев. И знаешь что, Игим? Дальше будет только хуже. И однажды настанет момент, когда твоя Рейна сама сбежит к тем, кто ей ближе кровных родственников. Хорошо, если попутно она всё поселение с лица земли не сотрёт. Бывало и такое.

Последние слова эстры потонули в криках.

— Игим, странник правду говорит?

— Больно складно выходит!

— То-то они девчужку никогда одну играть не пускали!

— Ух, бесстыжая...

— Что ж ты, Миргита, дочку-то кимортам не отослала? Авось та выучилась бы — и к нам вернулась!

— Так это из-за неё мой сын погиб? Пустите меня, я ей на-костыляю! Огита, уйди с дороги, старая кобыла!

— И я, и я видела, как Рейна в дом к Гаане ходила, а когда родичи её не впустили — на пороге разревелась! И редела, пока Игим её не забрал!

— А ты, Миргита...

— Ты, Монор...

— Да что б вы понимали! — вызверилась вдруг Миргита — заплаканная, бледная как полотно. — Я, может, до позапрошлой весны думала, что у меня и других детей не будет! Кто бы из вас единственного ребенка отдал в чужие руки? Ну, кто? Давайте, бабы, выходите вперёд, говорите! Ты, Огита, свою Верду бы вон тому страннику отдала бы? Отдала бы, зная, что не увидишь её больше, а если и увидишь, то будет она чужим человеком и любить тебя будет не больше, чем любую другую старуху? А то и вовсе возвращаться не захочет?

Миргита кричала надрывно, и люди постепенно умолкали. Кто-то — пристыженный, кто-то — испуганный, в ком-то играло любопытство... А потом женщина захрипела, словно голос в ней закончился, и испуганный Монор притянул её к себе, крепко обнимая. Глаза у него говорили, что будь его воля, то эстра сейчас бы мёртвый в овраге валялся, а не стоял здесь.

— Вот и разобрались, — вздохнул эстра, отворачиваясь. — Вы, люди добрые, помните, что мне сходка обещала? Отдать то, что попрошу, что бы это ни было, и отпустить меня из поселения беспрепятственно. Так вот, я прошу для себя Рейну.

— Да забирай! — крикнула измождённая женщина, стоявшая рядом с Огитой. — Мертвоходцы с ней уйдут?

— Уйдут. Обещаю. Всё станет как прежде, — твердо сказал эстра, обводя толпу взглядом. Мало кто решался встретиться с ним глазами — боялись. — А девочку я доведу до города и отдам кимортам. Любой с радостью возьмет её в обучение, да и она сама там счастливей будет... Верно, Рейна?

Девочка вывернулась из крепких объятий Игима, одёрнула меховую жилетку и подбежала к эстре.

— Я тебя видела, да? — произнесла она по-взрослому грустно, заглядывая ему в глаза. — И чувствовала — тебя? Утром. И потом ещё днём. Да?

— Да, — улыбнулся эстра и положил ей руку на голову. — Меня — и морт. Киморт тянется к киморту, киморт должен взрослеть среди кимортов, иначе будет плохо. Нельзя спорить с волей морт. Куда она зовет тебя, Рейна?

Девочка обняла его за пояс, утыкаясь лицом в живот.

— Далеко. Не знаю куда, но далеко отсюда.

Эстра взглянул на Игима:

— Ну что, мастер? Будешь спорить — или позволишь сделать то, что для всех станет благом?

Игим не ответил. Он по-прежнему сидел на пороге, теребя рубаху на груди, и словно и не слышал ничего.

— Он не будет спорить, — громко сказала Огита.

Ужинать эстру позвали в дом садовника. Рейна вертелась рядом и уходила с матерью отказывалась; поселяне смотрели на неё сердито, точно это девочка была виновата во всех их бедах, а не Игим. Эстра быстро устал от боязливых шепотков и косых взглядов, велел постелить себе и девочке в одной комнате и лег спать. Но заснул лишь под утро; в голове крутились дурные мысли.

Эстра думал о том, каким был отец Игима — киморт-южанин, бродяга, отчего-то осевший в маленьком поселении далеко в лесах Лоргинариума; об избалованных девицах, всегда получавших то, чего им хотелось, и о старшей, самой красивой сестре, пожелавшей однажды себе на беду странника-киморта; о девочке, не понимавшей, почему со всех сторон к ней тянутся страшные лиловые облака, которые не видит больше никто, даже папа с мамой, и почему с каждым годом тоскливее становится в родном доме; об Огите, изуродованной дыханием мертвоходца, и о других, кому повезло ещё меньше...

— А киморты добрые? — тихо спросила Рейна со своего места.

Ей тоже не спалось.

— Киморты разные, — ответил эстра, отворачиваясь к стенке. — Как люди. Точно как люди...

Утром их провожали всем поселением — за исключением, пожалуй, Игима и семьи врачавателя. Кроме еды в суму эстре затолкали одеяло из тонкой плотной шерсти, две фляги с лучшим раймовым вином, дали сменную одежду и тёплый меховой плащ.

Для Рейны не приготовили ничего.

Уже у самых ворот сквозь толпу провожавших протолкалась Верда, пунцовая от смущения, и вручила свежий, горячий хлеб, пахнущий мёдом и орехами.

— Спасибо. Сама пекла?

— Мы с матерью... — Верда потупилась. — Я бы хотела с тобой в город пойти.

— Захочешь по-настоящему — дойдёшь и сама, — улыбнулся ей эстра. — Когда подвода поедет, напросись с ней. Сперва посмотри на город. Вдруг тебе не понравится?

— Понравится! — с жаром ответила Верда и смутилась ещё больше. — Ну, прощай, странник. А как тебя зовут-то?

— Никак. У эстр имен не бывает.

— А у тебя будет, — неожиданно упрямо сказала она. — Когда тебя в следующий раз спросят про имя, скажи, что тебя зовут... тебя зовут... Алар!

— Алар? «Желанный», значит? — расхохотался эстра, и Верда закрыла пунцовеющие щеки руками. — Где ж ты такое имя вычитала?

— В книге было, — пробормотала она пристыженно. — Про любовь. Я... очень красивое имя, да? — и Верда с вызовом поглядела на эстру.

Он смягчился.

— Да. Красивое. Прощай, Верда, и спасибо за имя.

— Прощай, — эхом откликнулась она.

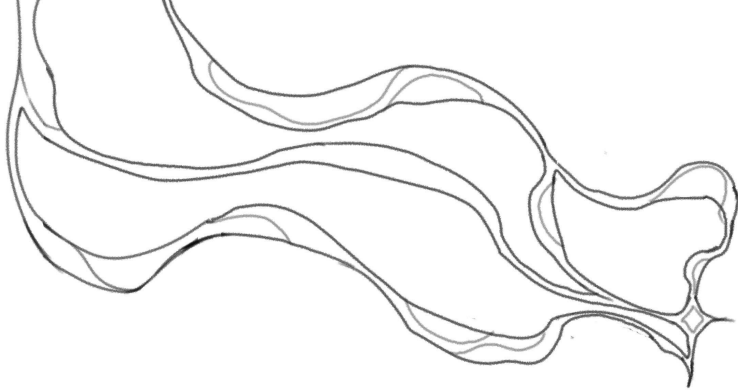
Когда ворота захлопнулись, Алар накиннул на голову капюшон и покрепче сжал руку Рейны.

Путь до города предстоял долгий.

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Фогарта Сой-рон, Шимра, столица Иимирата

Фог сдалась на четвёртый день, когда умерла Ора. До этого ещё можно было обманывать себя, уговаривать, что Алаойш просто сорвался в путешествие, не сказав ни слова ученице, как уже случалось раньше. Или что из дворца пришел вызов по делу величайшей секретности. Или что Дёран, лёгкая душа, зазвал старого приятеля в пьяный дом, а ласковые хозяйки не хотят отпускать сладкоречивого сказителя и красавца киморта слишком быстро...

— Тише, Ора. Тише. Скоро всё закончится, — прошептала Фог, поглаживая обессиленную собаку по голове.

За какие-то несколько часов Ора отошала так, словно не ела целое десятидневье. Шкура присохла к рёбрам, шерсть выцвела и свалаялась клоками, а умные жёлтые глаза густо затянуло белёсой мутью. Сначала собака ходила кругами по дому, натываясь на углы, не понимая, что творится с ней, а потом легла в закутке, неловко вывернув шею, и стала тихонечко поскуливать. Фог пыталась сделать хоть что-то, влить в неё жизнь, заменить силу учителя своей, но не выходило.

— Тише...

Ора сунулась в ладонь сухим шершавым носом — и лизнула её. Фог зажмурилась, чувствуя, как перехватывает горло, точно железным обручем.

«Плохо, совсем плохо. Если он её больше держать не может, значит, либо сам при смерти, либо... либо... сброс».

Почему-то это пугало даже больше вероятной гибели.

«...наверно, я слишком верю в то, что он не может умереть».

Фог хотелось вскочить и побежать куда-то — безразлично куда, лишь бы на месте не сидеть, лишь бы занять руки делом, в лаборатории ли, в кабинете, лишь бы не чувствовать, как с последним вздохом старой собаки уходит и отчаянная надежда.

Дышать Ора перестала к вечеру.

Ещё некоторое время Фогарта сидела неподвижно: долгое и мучительное ожидание вытянуло силы. Потом медленно поднялась на ноги — в мышцы тут же словно впились тысячи тонких иголок, ступни обожгло холодом. Ора, превратившаяся в туго обтянутый шкурой скелет, лежала в углу, и побелевшие глаза влажно блестели. Фог отвернулась и вслепую махнула рукой, щедро черпая морт из текущих сквозь дом потоков. Знакомая схема «мысль-стремление-энергия» казалась сейчас невыносимо сложной. Фогарта уже тысячу раз избавлялась от неудачных результатов эксперимента, от мусора во дворе после осенних бурь, но сделать то же самое с Орой, ещё недавно живой, тёплой, ласковой, было выше её сил.

— Я смогу.

Она сжала зубы почти до хруста и наконец вложила в морт нужную мысль и стремление.

Иссохшее собачье тельце вспыхнуло бездымным фиолетовым пламенем и рассыпалось мелкой золой. Давя всхлипы в груди, Фог шевельнула пальцами, сворачивая из края хисты круглый сосуд и придавая ему с помощью морт стеклянную твердость и прозрачность, а затем перенесла туда прах Оры и запечатала наглухо.

— Вот и всё, — прошептала Фогарта, вешая сосуд с прахом к себе на пояс. — Я развею тебя где-нибудь над лугом. Тебе бы понравилось.

Потом она спустилась в купальню и села на край бассейна, опустив ноги в тёплую воду. Небрежно подоткнутая хиста намочила, но Фог было всё равно. Хотелось опрокинуться

в бассейн, нырнуть на самое дно и пролежать там несколько часов, дыша только морт, но время поджимало.

Если Алаойш не умер, а действительно достиг точки сброса, то оставалось всего восемь дней на то, чтобы отыскать его по следу спутника — так гласили записи таинственного киморта по имени Миштар.

В лабораторию Фог так и пошла — босая, в намокшей хисте, небрежно подоткнутой под пояс. В доме пахло чем-то горьким — то ли увядшими цветами чийны, то ли дымом.

«Я должна справиться. Должна».

В собственные силы не очень-то верилось. В последние месяцы у Фог всё шло наперекосяк. Морт не желала сворачиваться на ладонях послушными упругими жгутами, а утекала сквозь пальцы, как песок; приборы на мирците барахлили; злополучный хронометр вообще взорвался, стоило прикоснуться к нему. Алаойш, правда, только посмеивался и говорил:

— Ты просто научилась удерживать в себе куда больше морт, чем можешь контролировать, только и всего. Упражняйся чаще и будь осторожна.

Сейчас Фог надеялась на правоту учителя, как никогда прежде.

На втором ярусе лаборатории всё осталось таким же, как и в день исчезновения учителя. Покоились на подставках под стеклянными колпаками незавершённые механизмы — заказы на починку от мастеров Шимры. Заполошно тикал восстановленный немалыми трудами хронометр, и золотистые песчинки быстро-быстро летели по изогнутой трубке от одного сосуда к другому, но уже вхолостую — вряд ли хозяин вернулся бы, чтоб завершить эксперимент. Вдоль стены, в укреплённом шкафу, стояли наглухо запаянные коробки с мирцитом, заряженным и готовым к отправке на ярмарки.

Нужный механизм лежал в нижнем ящике, под рабочим столом. Фог аккуратно извлекла детали, завёрнутые в промасленную ткань, и начала собирать — скупыми движениями, выдающими давнюю привычку. Простые заказы на поиск

людей всегда доставались не мастеру, а ученице — почитай с самого начала. Но никогда Фогарта не думала, что однажды ей придется искать самого Алаойша.

Закрепив на подставке штатив, она осторожно закрепила на штанге маятник и движущий механизм. Затем вставила на положенное место капсулу с мирцитом-пустышкой, проверила ограничители, выставила масштаб на линейке штатива — и только потом положила под маятником карту на медном листе с инкрустацией на месте естественных очагов морт и крупных городов. Стрелка вживлённого в край компаса тут же начала мелко подрагивать, откликаясь на энергию Фог.

«Сейчас».

Морт начала тоненькой струйкой вливаться в капсулу-пустышку, впитывая из дрожащих ладоней Фог образ Алаойша. Зажужжал, вращаясь быстрее и быстрее, движущий механизм, и маятник начал раскачиваться, выписывая ровные восьмёрки. Невидимый их центр постепенно смещался по карте.

«Север... это совершенно точно север».

Но тут, словно дойдя до невидимой границы, маятник резко дёрнулся в обратную сторону — к югу — и повис неподвижно.

— Дура безрукая, — забормотала Фог, по привычке глотая крепкие северные ругательства, хотя отчитать за них её теперь было некому. — Мало морт.

В следующий раз маятник раскачался слишком сильно, и сработали ограничители. Лиловатый туман прыснул в стороны, вхолостую рассеиваясь над картой. Фог с досады пнула стол, отбила палец и похромала вверх по лестнице — остужать ушиб в холодной воде и прикладывать лечебную мазь. Подумав, не стала сразу возвращаться в лабораторию и сперва заварила сбор из степных трав и цветов, для бодрости и успокоения. Напиток немного горчил, цедить его приходилось мелкими глоточками, зато и ненужное волнение ушло.

За ночь Фог сделала ещё с два десятка попыток найти

Алаойша, но что-то по-прежнему мешало. Маятник, доходя до условной точки, вдруг шархался в сторону, точно его кто-то щелчком отводил. Такое случалось, если объект поиска бывал окутан плотной, искусственно сконцентрированной морт — это под силу киморту, не желающему, чтоб его нашли, но не новоиспечённому эстре. Четыре раза маятник указывал на север, дважды — на восток, один раз его занесло к югу, и каждую отметку Фогарта аккуратно перенесла на карту. Однако чаще всего он начинал очерчивать ровные, бессмысленные круги — или срабатывали ограничители.

Промаявшись почти до утра, Фог наконец отправилась спать — голова после бессонной ночи стала точно свинцовая.

— Завтра... завтра пойду за помощью в цех, к кимортам, — пообещала Фог неизвестно кому, закутавшись в тонкое одеяло. — Они меня не оставят. Не оставят...

Утром стало полегче — дышалось свободней и верилось в чудо.

Фог ещё раз попробовала сладить со строптивым механизмом, не слишком надеясь на успех. Сперва маятник сонно покружил над северными землями, едва ли не залезая в вечномёрзлые болота, а потом запоздало сработали ограничители. Капсула-пустышка лопнула, а мирцитовый сердечник взорвался облаком ржавой пыли.

— Хорошо, что не в глаза, — пробормотала Фог, отряхивая хисту. — Хороша была бы, слепая спасительница. Значит, так или иначе придётся просить помощи. Вопрос — у кого.

Кимортов в столице было, пожалуй, столько же, сколько во всём остальном Ишмирате. Две сотни, не меньше, и почти у каждого свой дом и дело. Некоторые числились приписанными к цеху, особенно молодые, и выполняли ту работу, которую им поручали старшие, в свою очередь принимавшие заказы от представителей гильдий или даже двора. Ещё около сотни кимортов находились в Шимре проездом, предпочитая вольную жизнь странников, не связанную никакими обязательствами ни перед ишмой, ни перед старши-

ми... Кажется, обращайся к любому — помогут не по доброте, так за плату.

Беда была в том, что Фогарта пока не окончила ученичества.

Алаойш исчез в самое неприятное время. Она уже научилась обращаться с морт и выполнять несложные заказы, взялась за первое самостоятельное исследование, но в цехе наставник представить её не успел. И, значит, после смерти или сброса Алаойша Фогарту бы передали другому учителю, а тот вряд ли отпустил бы её раньше, чем через пять-шесть лет.

«Значит, надо обращаться к тому, кто не выдаст — и сразу бежать».

Само появление Фог в цехе никого бы не насторожило: Алаойш нередко посылал воспитанницу с мелкими поручениями. Но имена тех, с кем его связывала дружба, а не прохладные деловые отношения, можно было по пальцам пересчитать. А уж тех, кто спокойно принял бы известие о сбросе...

— У меня только один шанс, — пробормотала Фогарта, сжимая сквозь складки хисты сосуд с прахом Оры. — Если я ошибусь... Если ошибусь, то не смогу найти его никогда.

После сброса, поговаривали, иногда и лицо менялось до неузнаваемости.

Стараясь не думать о дурном, чтобы не отчаяться раньше времени, Фог наскоро причесалась, уложила в сундук смену платья, сгребла туда же с полки все собственноручно собранные механизмы, две коробки мирцита, набор капсул-пустышек и два слитка, золотой и серебряный, те, что должны были пойти на опыты как материал. Отдельно и очень аккуратно упаковала деньги, отложенные за последние шесть лет с простых заказов, подарки Дёрана — пахучее мыло и масла со всех уголков света. И наконец — величайшую драгоценность, копии дневников киморта по имени Миштар.

— Ну вот, — нервно улыбнулась Фог отражению в зеркале, поправляя суму на плече. — Теперь у меня разве что на лбу не написано, что я сбежать собираюсь. А, отобьюсь!

Подумав, она прихватила из лаборатории два готовых механизма, которые Алаойш так и не успел отправить в цех. Если прийти и не сразу кинуться к его друзьям, а сперва отнести к старшим исполненные заказы, то в цехе наверняка решат, что наставник просто переложил на неё часть своей работы, а в сундуке тоже механизмы на продажу. Такое не одобряли, но помалкивали, особенно если заказы шли не от двора самого ишмы, а от горожан.

...На пороге привычно и протяжно скрипнула проваленная ступенька. Фог плотно прикрыла за собой дверь и влила немного морт в спящие охранные контуры. Вот и всё — теперь можно было не бояться, что шустрые столичные воришки разнесут дом по камешку, пока хозяева отсутствуют.

— Надеюсь, мы вернёмся сюда вдвоём, — прошептала Фог, проводя ладонью по ярко-синей штукатурке. Вдруг стало смешно — вспомнилось, как хохотал Алаойш, когда незадачливая ученица решила освежить дом снаружи, но не сумела вложить правильное стремление в морт, и вместо того, чтоб почистить, перекрасила стены под цвет весеннего неба — да так надёжно, что двое друзей наставника, гостивших в тот вечер, не смогли вернуть прежний цвет.

Отвернувшись, она вздёрнула подбородок, оправила строгую чёрную хисту и вышла на дорогу, ведя за собой, как на невидимом поводке, парящий в воздухе сундук.

«Пусть воля морт будет со мной».

У своенравной Шимры есть один вечный закон — никогда и ничему не удивляться. Охотник ли, дичащийся городец, или торговец с юга, или мальчишка-подмастерье, только что прибывший из далёкого поселения, или наивная невеста-иноземка, привезённая в столицу женихом, — словом, новички ещё могут проводить изумлённым взглядом особенно затейливую самоходную машину или засмотреться на сияющий в ночи разноцветным пламенем дом какого-нибудь киморта-зазнайки. Но истинный шимри, родившийся и выросший в этом шумном городе, себе никогда такого не позволит.

А если и натолкнётся случайно на какую-нибудь диковинку вроде летучего сундука, то не восхитится, а прикрикнет возмущённо:

— Эй, куда прёшь, не видишь, что ли? Или глаз нету?

Фог только и успевала раскланиваться на все стороны и бесконечно извиняться. Конечно, будь на её месте солидный киморт или вельможа с вереницей слуг, никто бы не посмел высказать недовольство. А люди, сбитые с ног процессией Светлейшего ишмы, и вовсе, говорят, похвалялись этим и выдавали синяки за знак благоволения удачи.

Впрочем, проехать или пройти через центр города и никого не задеть само по себе было бы уже небольшим чудом.

Близилась летние праздники, а значит, и ярмарки. Не такие шумные, как осенью, но все же многолюдные. Торговцы и странники, мастера и просто зеваки стекались в Шимру из отдалённых провинций, из Лоргинариума и даже из Земли злых чудес прибывали караваны. Хозяева постоянных дворов довольно жмурились, пересчитывая тройную выручку. А на центральных улицах и близ торговых рядов было не протолкнуться — многие спешили осмотреть город до начала ярмарки или договориться о выгодном местечке для своего прилавка. Чтобы добраться до цеха кимортов, понадобилось бы пересечь бурлящие улицы торговых кварталов — или идти кругом, огибая их по широкой дуге.

А Фог спешила — толкалась, спотыкалась, терпела ругань и неприязненные взгляды. И когда шумные ряды закончились и толпы вдрут поредели — даже сама себе не поверила:

— Наконец-то!

Она проверила сундук, нащупала кошель в сумке — не украли, не срезали? — и только потом нырнула в видимую лишь кимортам арку среди колючих аргастовых лоз. Так «свои» могли срезать дорогу с чёрного хода; посетителям же, любого сословия и ранга, приходилось сперва миновать длинный лабиринт, ведущий к парадному крыльцу.

Цех кимортов по размерам не уступал, пожалуй, и дворцу ишмы. Правда, отделан был не так богато — ни золота, ни

серебра, ни драгоценных камней, словом, ничего, что может накапливать в себе морт. Стены и перекрытия — белое, тонкое дерево, крыша — полупрозрачная розоватая черепица. Всё на взгляд невозможно хрупкое, невесомо-лёгкое, однако же на деле способное выдержать одновременный залп из сотни пушек. Постоянно в цехе находилось около тридцати кимортов, и обязательно — четверо старших.

Заказы надлежало отдавать именно им.

При мысли об этом у Фог по спине вновь пробежал холодок. Старшие сами были уже близки к сбросу — и наверняка они знали об истинном возрасте Алаойша, в отличие от непутёвой ученицы. А значит, и её незамысловатые планы могли раскрыть с той же лёгкостью, с какой диктовали цену на заряженный мирцит торговым гильдиям.

— Фогарта?

На секунду в груди всё смёрзлось в ледяной комок. Голос Фог узнала, но его обладательница не относилась к тем из друзей учителя, к кому можно было без сомнений обратиться за помощью. Дуэса часто заходила в гости, но никогда не оставалась надолго. Алаойш принимал её радушно — впрочем, как почти всех, — но никогда не приглашал остаться на ночь, даже когда беседа затягивалась допоздна. И, больше того, иногда, игнорируя долг хозяина дома, отправлял вместо себя ученицу провожать гостью.

В детстве Фогарте очень нравилась эта дивная красавица с жёлтыми, как мёд, глазами... Но то было в детстве.

— Приветствую вас, Дуэса Шин-раг. Да будут долгими ваши дни!

— Ну, зачем же так холодно и формально, — засмеялась Дуэса, слегка откидывая голову назад, так, что чёрные как смоль волосы расплескались по золотистой хисте тяжёлой волной. И тут же посерьёзнела: — Фогарта, девочка моя, что с твоими глазами? Ты плакала?

И взгляд у неё стал таким тёплым, таким добрым и тревожным, что Фог сама не поняла, как прошептала:

— Да.

Морт вокруг Дуэсы была странного оттенка — не лиловая лёгкая дымка, а нежно-розовая, как облака на рассвете, и очень плотная. Фог почувствовал сладкий запах леденцов, и захотелось облизнуть пересохшие губы.

— Аше-аше, бедная девочка, — тихо сказала Дуэса и шагнула вперёд, укрывая плечи Фогарты широким рукавом — как птица защищает птенцов. — Кажется, я знаю, что за беда случилась. Идём со мной. Мы поговорим, но не здесь. У старших слишком острый слух.

Фог кивнула. В голове у неё слегка звенело, как после целой пиалы ойги, было душно и томно. Чужая морт тыкалась в щёки, в шею, обвивалась вокруг пояса и щиколоток, а рука Дуэсы на плечах казалась горячей даже сквозь плотный шёлк. «Теперь ясно, почему Алаойш её избегал».

Сундук занесло на повороте, и треск ломающихся веток привёл Фог в чувство.

— Ой, простите! Сейчас, подхвачу его, — смущённо пробормотала она, натягивая невидимый поводок. — Наверно, морт мало вложила. У меня то перебор, то недобор в последнее время, хоть в лепёшку расшибись.

— Пока не надо расшибаться, — ответила Дуэса без улыбки, и её красивое лицо стало немного пугающим. — Алаойш огорчится. Ты ему очень дорога... Вот, пришли, — и она указала на небольшую беседку из некрашеного дерева чуть поодаль от цеха, в тени старых, разохшихся от возраста эрисей. — Там и поговорить можем. Алаойш ведь?..

Выглядела она так, словно ответа ей не требовалось.

— Да, — всё же кивнула Фог.

Горло опять как невидимой рукой сжало.

— И давно?

— Несколько дней назад. Я сначала думала, что он в цех ушёл. Или с Дёраном гуляет, они вдвоём иногда на целое десятидневье пропадали, а потом он приходил и от похмелья лечился, — ответила Фогарта и вспыхнула, сообразив, что в запале сказала лишнего. — Но потом Ора умерла, и я догадалась.

— Ора?

— Собака. Алаойш её уже двадцатый год от смерти удер-живал, лечил.

Дуэса дождалась, пока Фогарта сядет на деревянный пол в беседке, пока сундук всплывёт и станет в угол, а потом повела рукой — и проёмы затянуло розоватой пеленой. Сразу стало намного более душно, и появился тот же леденцовый привкус на языке.

— Это от чужих ушей, — пояснила Дуэса и нахмурилась. У неё было странное выражение лица: брови насуплены, в глазах тревога, а уголки губ дёргаются, словно вот-вот появится улыбка. — Значит, всё же сброс. Давно пора, ему триста лет ещё в позапрошлом году исполнилось. Он только своей волей и держался... Ты теперь одна осталась? Хочешь ко мне в ученицы попроситься? У меня нет никого — я хоть завтра тебя взять могу. Хочешь?

— Нет! — Фог вскочила, едва не запутавшись в полах одеяния. — То есть... Дуэса Шин-раг, я безмерно польщена вашим предложением... Правда, спасибо огромное! — всё-таки не выдержала она и сбилась с размеренных, предписанных этикетом фраз. — Но я не могу. Мне надо найти его, быстрее, пока не истекло время... Ещё восемь дней. Пожалуйста, помогите мне!

Дуэса замерла, вглядываясь в неё. Морт, окутавшая беседку, сгустилась и потемнела.

— Ты любишь его?

Фог опустила взгляд и вспыхнула.

— Да.

Лгать Дуэсе было невозможно, даже сама мысль об этом казалась невыносимой; на языке таял приторно-сладкий вкус леденцов, а след от прикосновения белой руки горел, как ожог.

— Ты готова на всё ради него?

— Да!

— Бедная девочка, — лицо Дуэсы исказилось. Она шагнула, заключая Фогарту в крепкие объятия, обволакивая золотистым шёлком, душными потоками морт, щекоча скулу

прохладными прядями волос, и выдохнула на ухо: — Бедная девочка, прости меня...

— За что?

Онемевшие губы едва шевелились. Грудь колело, как от нехватки воздуха высоко в горах.

— За всё, — шепнула Дуэса и отстранилась, глядя на Фог потемневшими глазами. — Конечно, я помогу тебе. Чего ты хочешь?

— Помогите мне найти его! — Фогарта дрожащими руками распахнула сундук, достала карту и маятник, потянулась к сумке за капсулой-пустышкой. — Я... не могу рассчитать силу, и поиск прерывается каждый раз. Найдите учителя, пожалуйста! Вы ведь учёная и киморт, вам это легче лёгкого сделать, да?

— Конечно, — медово улыбнулась она. — Оставь маятник здесь и выйди на воздух. Я вижу, что тебе дурно. Это от волнения, наверно. Ночь не спала, плакала о нём?

— Не плакала, — склонила голову Фог и добавила тихо: — Я думала вчера, что сойду с ума. Спасибо вам, Дуэса.

Ресницы у неё дрогнули.

— Не благодари пока, милое дитя. Кто знает — возможно, скоро ты станешь меня проклинать. Мир переменчив, и люди переменчивы.

— Никогда! Клянусь, я... я всегда буду вам благодарна!

Дуэса собирала маятник почти не глядя, словно делала это тысячу раз. Но перед тем, как зарядить капсулу, она жала её в руке и закрыла глаза.

— Выйди, прошу тебя. Это ненадолго. Ты ещё сама не представляешь, сколько в тебе силы. Твоя морт сбивает тонкую настройку, одна я справлюсь быстрее.

— Хорошо, — подчинилась Фог без возражений. Дуэса водила ладонью над картой, изредка касаясь мирцитовых инкрустаций кончиками длинных ногтей. — Я пойду и умоюсь. Лицо щиплет.

Дуэса улыбнулась

— О, это от соли.

Снаружи действительно стало полегче. Наскоро ополоснув лицо, Фог легла на траву и закатала хисту до колен. Хотелось ещё скинуть сандалии, но Дуэса могла выйти в любой момент. Подсохшие стебельки царапали шею и затылок; облака в небе летели с ужасающей скоростью и словно бы необычайно низко, казалось, ещё немного — и они зацепят шпили цеха. Ветер перебирал ветви эрисей, настолько старых, что они уже даже не цвели по весне.

«Алаойш был куда старше этих деревьев, — вдруг подумала Фогарта, шурясь на солнце, мелькающее в разрывах облаков. — Интересно, он цвёл... любил? Дуэса такая красивая, но она ему не нравилась. Или он любил кого-то другого и был верен той, единственной? А ей не говорил, потому что знал, что скоро будет сброс... Получается, если так, то для меня хорошо, что он стал эстрой, потому что теперь он может полюбить меня?»

Фог села так резко, что в висках застучали молоточки.

— Нет, — хрипло прошептала она. — Мне не нужен чужой эстра и его любовь. Я хочу вернуть Алаойша. Я его верну.

Морт вокруг беседки рассеялась.

— Готово, — прозвучал негромкий голос Дуэсы. Она стояла на ступенях, бледная, с потемневшими глазами. — Иди сюда, я покажу тебе на карте.

Чувствуя, как разгораются щёки, Фог одёрнула хисту, вскочила и побежала к ступеням. Дуэса отступила, пропуская её внутрь.

— Он на юге, Фогарта. Где-то на Земле злых чудес, — произнесла Дуэса ровно, избегая взгляда глаза в глаза. — Ничего удивительного, ведь морт всегда притягивает эстру туда, где он нужен...

— Так вот почему у меня поиск не получался, — выдохнула с облегчением Фог. — Там же хаотические скопления морт, любые манипуляции затруднены... Ой, простите, я вас перебила, кажется...

— Ничего, — улыбнулась Дуэса и успокаивающе погладила её по руке. — Ты хорошо держишься. Времени, увы, уже

почти не осталось — впрочем, я знаю, как помочь тебе. На закате от Серебряного Шпиля отлетает грузовой дирижабль. Капитан — мой хороший друг по имени Сидше Джай-рон. Подойдёшь к нему и скажешь, что ты от меня. Ах, и это кольцо покажешь, — добавила Дуэса, медленно снимая с пальца перстень с голубым камнем. — Сидше отвезёт тебя до города Шуду. А оттуда — девять дней пути до того места, на которое указал маятник.

Дуэса поскребла ногтем по карте, делая отметку. Фог сощурилась, всматриваясь.

— Что здесь?

— Пустоши, — пожала плечами красавица. — Но рядом есть город. Смотри — вот тут.

— Дабур? — нахмурилась Фог. Название было знакомым. Совсем недавно Дёран говорил что-то о Дабуре — вспомнить бы что... Нечто плохое — это точно.

— Да. Попробуй поспрашивать там. На юге мы бываем редко, потому что морт там словно сошла с ума. Значит, появление одного из нас, даже эстры, не останется незамеченным. А я пока попробую помочь тебе отсюда. Скажу старшим, что вы вдвоём с Алаойшем отправились в путешествие. И заказы твои раздам — это же они у тебя в сундуке, да?

— Ох, Дуэса, спасибо вам! — Фог поклонилась так низко, что едва не стукнулась лбом об пол. — Я вас никогда не забуду, обещаю! Почему вы всё это делаете?

Уголки губ у Дуэсы дёрнулись.

— Наверно, потому что я тоже люблю Алаойша. Не так, как ты.

— Тогда вы меня понимаете, — улыбнулась Фогарта так, как в последний раз улыбалась только с учителем. — Вы удивительная. Простите, что я не верила вам!

Дуэса опустила взгляд.

— Беги уже, девочка моя. До Серебряного Шпиля ещё добраться надо, да и капитана ты наверняка не сразу найдёшь. Что ж, удачи тебе!

Фог вновь поклонилась и принялась собираться. В душе у неё словно птицы пели, и оттого всё получалось легко. Даже сундук слушался малейшей мысли и больше не таранил ни углы, ни кусты... Только одно вызывало смутное, невнятное беспокойство.

Леденцовая сладость исчезла, а на языке был привкус меди и соли. И Дуэса больше не улыбалась.

Дирижабль покорила Фог с первого взгляда.

Он был огромным — наверное, с Торговую палату величиной, а может, и больше. Баллон, обшитый тонкими листами металла, переливался на солнце всеми оттенками синего и голубого. Гондолу словно только вчера выкрасили в белый — ни пятнышка, ни потёртости, ни даже царапинки на трапе. Матово-серебристые лопасти замерли в обманчиво безопасной неподвижности, но легко представлялось, как они с пугающе-низким звуком взрезают упругий воздух, направляя колоссальный механизм в согласии с желанием капитана.

Но прекрасней всего были потоки морт.

Сердце дирижабля — двигатель; пока он спал, и потоки энергии медленно текли по проводящим серебряным жилам, опутывающим и баллон, и гондолу, и рулевой механизм, и лопасти, и выпуклые линзы навигаторов... Морт скапливалась в мирцитовых капсулах ключевых узлов, мерно пульсировала, и казалось, что весь дирижабль — это фантазмагорическое существо, дышащее, мыслящее, живое.

— Госпоже нравится «Штерра»?

— Нравится. Так его зовут? Дирижабль? — порывисто оглянувшись Фог. В двух шагах позади неё стоял, сложив руки на груди, мужчина в возрасте полудня, облачённый в широкие брюки, на южный манер стянутые у щиколоток, и в короткую хисту с разрезами по бокам — наряд не степенного горожанина, но путешественника.

— Её, — лукаво уточнил незнакомец и склонил голову набок. — У «Штерры» душа капризной танцовщицы.

— Она ревнует к женщинам на борту?

— Иногда, особенно к таким красавицам, как госпожа. Впрочем, в нынешний рейс мы пассажиров не берём... Но я могу шепнуть словечко кому-нибудь из друзей. Куда желает отправиться госпожа?

— Мне нужно встретиться с капитаном Сидше Джайроном для короткого разговора о некоторых общих знакомых, — склонила голову Фогарта, начиная понимать, кто этот скользкий мужчина, посматривающий на дирижабль как на ветреную, но бесконечно драгоценную любовницу.

Кольцо Дуэсы тускло сверкнуло в ржавеющих солнечных лучах — и снова скрылось под ниспадающим рукавом, но незнакомец успел разглядеть достаточно.

— Что ж, это другое дело. Я, капитан Сидше Джайрон, прошу не отказать мне в любезности обсудить общих знакомых за пиалой травяного чая. Как ваше имя, госпожа?

— Фогарта Сойрон, — сказала она. И, поколебавшись, добавила: — Киморт-учёная.

— Вижу, что киморт, — улыбнулся капитан, искоса глянув на парящий над брусчаткой сундук. — Прошу, следуйте за мной.

Вопреки ожиданиям, отправился он не к дирижаблю, а к питейному дому. Фог поморщилась, предвкушая погружение в отвратительную мешанину запахов и звуков, но внутри оказалось на удивление тихо, чисто и безлюдно. Молодой хозяин, продолжая составлять сухой букет из ягод и листьев, кивнул капитану, точно давнему приятелю, а Фогарту не удостоил и взгляда. Сидше невозмутимо проследовал в самый тёмный угол зала, к низкому столику с жаровней. Там на углях томился латунный чайник. Капитан любезно указал Фог на подушки и сам сел напротив.

— Выпейте сперва чаю, — улыбаясь, предложил Сидше. — И отведайте цукатов. Думаю, вам это пойдёт на пользу. Я могу на глаз отличить сытого человека от того, у кого во рту и крошки с утра не было. Вы же в лучшем случае позавтракали, а солнце теперь склонилось к горизонту.

— Благодарю за угощение.

Фог покраснела и опустила взгляд. Капитан некоторое время наблюдал за ней молча, время от времени приглаживая и без того безупречную причёску. Вот уж кто был истинным, чистокровным ишмиратцем — на бесчисленное множество поколений назад. Он даже немного напоминал драгоценных фарфоровых кукол: тёмные раскосые глаза без возраста, бледная в синеву кожа, обветренная от работы на свежем воздухе, чёрные, блестящие как зеркало волосы, сами собой распадающиеся на прямой пробор. Кончики их были подстрижены в ровную линию и на пол-ладони не доставали до плеч.

— Итак, вам нужно на юг, — заговорил наконец Сидше. — В какой город?

— В Шуду.

Раскрывать сразу все карты не хотелось.

— Я направляюсь дальше, в оазис Кашим, но перед этим обязательно остановлюсь в Шуду. Путь займет семь-двенадцать дней — зависит от ветра. Вам подходит такой срок?

— У меня нет выбора, — созналась Фог и прикусила кислый цукат, чтобы не сболтнуть лишнего. — По некоторым причинам я не могу обратиться в цех за переносом.

— Деньги или другое?

— Другое.

— Надеюсь, я не беру на борт преступницу или девицу, бегущую от ненавистного брака со знатным вельможей?

— Нет!

Фог сама не поняла, какое предположение оскорбило её больше. А черноглазый капитан рассмеялся:

— Что ж, уже хорошо. Вы знаете, что означает это кольцо?

— Нет... то есть знаю, что если я покажу его вам, то вы возьмете меня на борт. Так сказала Дуэса Шин-раг.

— Шин-раг в пустыне назвали бы огненной змеей, — загадочно вздохнул Сидше. — И были бы правы. Кольцо всего лишь означает, что вам можно доверять. Предположим, я беру вас на борт, Фогарта. Чем вы готовы заплатить?

Она задумалась. В словах капитана чудился подвох, но вот какой именно? В полумраке душевной комнаты, отделанной тёмно-красными и чёрными панелями, в густом запахе специй и чего-то сладковато-лекарственного, после двух пиал крепкого травяного чая в голове слегка помутилось.

— У меня есть ишмирские монеты. Ещё золото и серебро, в слитках. И несколько драгоценных камней, но их я хочу оставить для приборов, однако если вы...

— Мне не нужны ни металлы, ни камни, — покачал головой Сидше и наконец сам пригубил из пиалы чай, ставший уже густо-коричневым. — Я достаточно богат. Кроме того, все ваши ценности вряд ли окупят и полусотенную часть моего груза, коим мне придётся рискнуть, взяв на борт чужака. Что ещё вы можете предложить, Фогарта?

— Сложный вопрос, — нахмурилась она. Капитан вызывал странное чувство — лукавый, но одновременно надёжный, чем-то похожий на старинные головоломки: их невозможно разгадать, но сами попытки раскрыть секрет доставляют удовольствие. — Я киморт и могу предложить услуги киморта. Опыта у меня немного, но я наверняка сумею с ходу разобраться почти в любом несложном механизме... Дирижабль — несложный механизм.

— Значит, услуга, — произнёс нараспев Сидше и прикрыл глаза. — Мне это подойдёт. Природу услуги мы оговорим после перелёта. Могу только обещать, что она не будет ни оскорбительной, ни обременительной для вас. К слову, Фогарта, знаете, сколько бы дали за вас на невольничьем рынке?

Он вдруг перегнулся через столик и коснулся её щеки пальцами, слегка влажными и горячими из-за пиалы. И не просто коснулся — провел вдоль скулы, к виску, затем к губам, словно лаская.

— Киморты не продаются, — ответила Фог, чувствуя себя стеклянной статуэткой.

— Продав на рынке юную красавицу-киморта, я получу сумму, дважды превосходящую по стоимости товары на

моём дирижабле, — по-прежнему не открывая глаза, сказал Сидше. — Есть способы и пленить киморта, и удержать. Вам не страшно, Фогарта?

Фог заставила себя глубоко вздохнуть, чтобы унять сумасшедшее сердцебиение.

— Я осведомлена об этих способах. Учитель считал, что я должна испытать на себе действие некоторых веществ, чтобы потом узнавать их даже по запаху... Не знаю, что подмешано в мой чай, но это не то, чего мне стоит бояться.

Сидше наконец отвел руку и засмеялся, и смеялся так долго, что даже хозяин питейного дома оглянулся с любопытством.

— В чай заварены ягоды одного пустынного кустарника, развязывающие язык даже лжецам. Отдаю должное вашей наблюдательности, госпожа, и спрашиваю снова: хотите ли вы лететь со мною на «Штерре» даже теперь, после всего, что было сказано и выпито?

Она ни секунды не колебалась.

— Да.

— А если я скажу, что спать придется в моей каюте? — спокойно предположил Сидше, склоняя голову к плечу. — На «Штерре» нет места для пассажиров.

— Тогда я попрошу прощения за то, что мне придется стеснить вас, — смиренно поклонилась Фог. — Но не беспокойтесь, я киморт, а мы можем спать не только на полу, но даже на стене или на потолке.

Капитан поднялся.

— Тогда добро пожаловать на «Штерру». Надеюсь, что вы подружитесь с ней.

Через час, на закате, в питейном доме появились трое рослых, жилистых мужчин, одетых почти так же, как капитан. Поклонившись и выслушав короткий приказ Сидше, они попытались приподнять сундук, чтобы отнести его на дирижабль. Фог, задремавшая было, тут же вскочила:

— Нет-нет, не надо! Вы не сможете, там же сплошной металл, да ещё и сам сундук укрепленный!

— Они потомственные носильщики, — усмехнулся Сидше, удерживая Фог за локоть. — Не торопитесь, госпожа. Пусть попробуют.

Фог было жутковато смотреть, как тужатся носильщики, как вздуваются жилы на мощных шеях и на ногах, как краснеют от натуги лица... А капитан, кажется, наблюдал не за своими подчинёнными, а только за ней.

— В чём секрет? — спросил он тихо, наклонившись к ней. — Дело не в одной тяжести.

— Он прикручен потоками морт к полу, — так же тихо созналась Фог. — Чтобы не украли и не открыли. Не то чтобы там были какие-то особые ценности, просто больше у меня ничего нет. Вообще.

Капитан снова развеселился, но спустя несколько минут всё же попросил Фог поднять сундук. Носильщики, взмокшие от усилий, ни единым взглядом не дали понять, что они сердятся или недовольны.

«Наверно, Сидше не в первый раз их так испытывает».

Подняться по трапу на «Штерру» капитан помог ей сам. В двух шагах позади него следовали носильщики, а последним плыл сундук. Заведя Фог в небольшое помещение прямо рядом с выходом, капитан хлопнул в ладоши, созывая команду. Откликнулись шесть человек; дождавшись, пока все соберутся вместе, Сидше громко произнёс, положив руку на плечо Фогарте:

— Эта госпожа киморт — моя личная гостья. Она путешествует с нами до Шуду. Будьте почтительны и молчаливы. А теперь ступайте и готовьтесь к взлёту.

После этого капитан поводил её по дирижаблю, показав, где располагается отсек с двигателем, провёл к каютам экипажа и его собственной, продемонстрировал склад и настрого запретил ходить в помещения для товара, занимающие большую часть гондолы, а затем сопровождал к навигаторской. В основном её занимали приборы — и огромное, укрепленное стекло, через которое было видно площадь и заходящее солнце.

— Вечером потоки воздуха наиболее благоприятны, — пояснил он негромко. — В полёте «Штеррой» управляют два пилота, но за взлёт и посадку всегда отвечаю только я или старший пилот. Вы можете уйти в мою каюту и пока прилечь — а можете остаться тут и посмотреть. Вид очень красивый.

— Я останусь, — ответила Фог. Голова у неё по-прежнему кружилась от странного травяного чая.

— Хорошо, — довольно кивнул Сидше. — Присядьте вон там.

Затем в навигаторскую вошёл старший пилот — мужчина с выбритой головой и подрисованными краской бровями, по возрасту вполне годящийся капитану в отцы. Не обращая внимания на Фог, он занял своё место. Сидше потянул за рычаг, и по гондоле разнёсся пронзительный звон. Дирижабль загудел, его охватила мелкая дрожь, словно живое существо...

...а потом взлетел.

Фог смотрела за стекло и едва могла дышать. А «Штерра» всё поднималась и поднималась, сперва вдоль шпилья, а затем свободно, очень долго, пока город внизу не превратился в подобие сшитого из цветных обрезков платка. Мягко сиял в наступающих сумерках цех кимортов — тем тёплым молочно-розоватым светом, само воспоминание о котором вызывает чувство покоя и уюта.

— Нравится? — спросил вполголоса Сидше, остановившись за плечом у Фог. Она вздрогнула — подошёл капитан совершенно беззвучно, и было неясно, когда его успел сместить за приборами второй пилот.

— Очень красиво. Я никогда не уезжала из Шимры, — призналась шёпотом Фог.

Капитан улыбнулся, легонько приглаживая волосы, выбившиеся из безупречной причёски.

— А теперь вы улетаете — тайком, на дирижабле контрабандиста и рабовладельца. Вам по-прежнему не страшно?

Фог закрыла глаза, вспоминая Алаойша, и зябко обхватила себя руками.

— Нет. Ни капли.

— Юность беспечна, — осуждающе цокнул языком капитан. — А теперь вернёмся в каюту. Расскажите мне честно, зачем убегаете из Шимры, — понизил он голос и ненавязчиво обнял её за талию. — В конце концов, я рискую грузом, не так ли?

— Вы ничем не рискуете, — поспешила заверить его Фог. — Меня никто не будет искать... Ой!

Она сама сообразила, что сказала не то, но было уже поздно.

— Очень удобно, — пугающе задумчивым голосом протянул Сидше. — Вы искушаете меня, Фогарта, а ведь я человек слабый. Знаете, как говорят на юге? Молчаливость — сестра ума и мать долгой жизни.

Фог бросило в холод. Ощущение беспомощности, подспудно дремлющее в груди, ожило, и сердце стало биться гулко и болезненно.

«Я справлюсь?»

Как совладать с порогом морт, как вернуть память Алаойшу, если даже капитан-контрабандист вертит ею как пожелает, безо всяких зелий легко заставляя говорить то, о чём она хотела умолчать?

«Не могу не справиться».

— Вы что-то побледнели.

— А вам весело.

— Вы спрашиваете?

— Нет.

— Чудесно, — коротко хохотнул он и слегка подтолкнул её вперёд. — Прощу. Располагайтесь, где и как вам угодно.

В каюте Фог сразу отошла в сторону, присела на свой сундук, по-мужски подогнув под себя ноги, и только потом огляделась. Жилище Сидше было на удивление скромным для удачливого контрабандиста — ни украшений, ни трофеев; по стенам — тонкие тёмно-синие гобелены с серым орнаментом, едва прикрывающие обшивку, на полу — в три слоя ковры с коротким ворсом. К одной из стен крепился винтами ящик, с потолка свисал дешёвый шар-светлячок с мирцитовой капсулой, иллюминатор наполовину прикрывала шторка, а ло-